

ЮРИЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ

*Рождение
и гибель*

ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Юрий Васильевич Емельянов
Рождение и гибель
цивилизаций
Серия «Весь мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69291259

Рождение и гибель цивилизаций:

ISBN 978-5-00180-991-3

Аннотация

Книга известного историка Юрия Емельянова приглашает читателей совершить увлекательное путешествие в таинственный мир великих цивилизаций, раскрыть закономерности, с которыми связаны их взлеты и падения. В этой книге проанализирована история всех значимых цивилизаций человечества – с древнейших времен до XXI века. Автор проанализировал десятки научных гипотез и выдвинул свою, знакомство с которой поможет вас раскрыть логику истории.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Как узнать судьбу народов?	5
Часть 1	28
Глава 1	29
Глава 2	62
Глава 3	77
Глава 4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Юрий Васильевич
Емельянов
Рождение и гибель
цивилизаций**

© ООО «Издательство Родина», 2023

Как узнать судьбу народов? *Вместо предисловия*

Сражение между войсками Александра Македонского и персидского царя Дария III

Тысячу лет назад Европа была охвачена страхом. Повсюду люди сообщали о зловещих видениях и таинственных голосах. Различные прорицатели истолковывали массовые галлюцинации зрения и слуха и даже обычные явления природы как предвестники небывалой беды. Людей пугало приближение 1000 года. Все ждали Светопреставления и Страшного суда.

Хотя за 1000 лет человечество очень изменилось, но наступление нового века и нового тысячелетия вызвало у мно-

гих людей повышенную восприимчивость к катастрофическим прогнозам. Казалось бы, современный прогресс делает невозможным страхи, одолевавшие человечество 1000 лет назад. Однако накануне начала нового тысячелетия может показаться, что современная техника вступила в сговор, чтобы напомнить людям о панике 1000-летней давности. Люди узнали, что воплощение передовой мысли – компьютеры приготовили неприятный сюрприз по случаю наступления 2000 года. Их электронные часы собираются отбросить нас на сто лет назад и запутать расчеты, уничтожить расписания, внести беспорядок в работу многих хозяйственных систем. До сих пор все усилия программистов найти универсальное решение этой проблемы оказывались безрезультатными.

Но если люди не могут решить задачу, запрограммированную ими самими, то справятся ли они с проблемами, которые могут быть поставлены могущественной природой? Людей одолевают тревожные сомнения: «Не с приближением ли 2000 года или 2001 года связаны участвовавшие наводнения, ураганы, лесные пожары, землетрясения и прочие катастрофы? Что принесет Земле предстоящий «парад планет»? Не слишком ли зачастили к нам кометы и астероиды? Не очень ли близко они стали подходить к нашей планете?»

Среди людей, склонных к мистике, возрождаются страхи, одолевавшие человечество 1000 лет назад: «Не является ли роковым 1999 год? Ведь если перевернуть цифры этого года,

то получится роковое число 666, упомянутое в «Апокалипсисе» как знак Антихриста? Этот год упомянут в туманных и зловещих пророчествах Нострадамуса. А не ожидает ли человечество вскоре после начала нового тысячелетия вселенская катастрофа, якобы предсказанная древними жрецами майя? Возникли секты, ожидающие Светопреставления. Их члены готовы совершить самоубийства в 2000 году, чтобы воскреснуть через несколько дней во время Страшного суда.

Отягощенные множеством каждодневных забот и тревог современные люди с сомнением и беспокойством вглядываются в будущее, скрытое за порогом нового тысячелетия. Что там: крутой подъем или зияющая пропасть? Чтобы узнать будущее, можно взглянуть на прошлое. Общее направление дороги, чередование подъемов и спусков, гладкой поверхности и ям, позволяет понять, что ждет людей впереди. Поэтому, чтобы отгадать, что скрыто за поворотом, стоит оглянуться на пройденный путь, размеченный тысячелетними и столетними вехами и уводящий в бесконечно далекое прошлое.

В то же время необходимость в обращении к истории объясняется не только наступлением нового тысячелетия. Загрязнение окружающей среды, ограниченность естественных ресурсов, разница в уровне развития между различными странами мира, неразрешенные международные конфликты, техногенные катастрофы, моральные, духовные, а также многие другие проблемы, с которыми столкнулось че-

ловечество перед концом XX века, вряд ли исчезнут после его завершения. Чтобы правильнее понять проблемы, с которыми ныне сталкивается человечество, необходимо увидеть их исторические корни.

Изучение пути развития человечества, вероятно, особенно необходимо в нашей стране. Сбилась ли Россия с пути? А если это так, то – когда это произошло? Что надо сделать, чтобы вывести ее на путь, ведущий к процветанию? Где он находится? Да и существует ли вообще единая магистральная дорога для всего человечества?

Последний вопрос не вызвал неуверенности у просвещенных европейцев XVIII и XIX веков. Они верили, что сначала человек был дик и некультурен. Потом он научился пользоваться огнем, изобрел колесо и много других предметов и, наконец, стал цивилизованным. Древнее время цивилизации Афин и Рима сменилось ее Средними веками Карпа Великого и крестовых походов, а потом началась Новая история великих открытий и великих индустриальных держав. Несмотря на отдельные срывы и неудачи, человечество постепенно двигалось вперед. Ум и нравы людей развивались под воздействием просвещения, и они все увереннее шли по пути прогресса. Одновременно цивилизованные страны взяли под свою опеку народы Азии, Африки и Америки, оказавшиеся на обочине магистральной дороги человечества. Цивилизация постепенно искореняла варварство и дикость, преодолевая мрак невежества и заблуждений. Такая картина

развития человечества настраивала на оптимистический лад и позволяла спокойно ожидать наступления всеобщего благоденствия по мере распространения цивилизации по всему свету.

С такой картиной развития мира не были согласны Карл Маркс и Фридрих Энгельс, объявившие непримиримую борьбу существовавшему в Европе и Америке капиталистическому строю. Дорога человечества отнюдь не была ровной, утверждали они, а изрытой ухабами классовой борьбы и разделенной революционными катаклизмами на несколько этапов. В борьбе против отжившего строя человечество постепенно поднялось из дикости и варварства к цивилизации, классовому строю и рабовладению. Затем в постоянной борьбе между господствовавшими и угнетенными классами человечество прорывалось последовательно к феодализму и капитализму.

Такой взгляд на прошлое позволял Марксу, и Энгельсу делать прогноз и на будущее. Они утверждали, что после победы над буржуазией пролетариата и установления его диктатуры будет построен социализм – общество социальной справедливости, а затем – коммунизм, когда будет достигнуто гармоничное соответствие между потребностями и способностями всех людей на Земле. Такое описание магистральной дороги человечества могло вселить оптимизм во всех трудящихся, но не в представителей эксплуататорских классов. От трудящихся всего мира требовалось лишь объ-

единение для суровой борьбы во имя достижения светлого будущего.

Дорога развития человечества не может быть единой, возражали марксистам авторы расистских теорий Ж. А. Гобинно, В. де Лапуж, О. Аммон и другие. Если и была когда-то единая дорога, по которой шли предки человека, то она давно разделилась. Одни расы шли все выше и выше к вершинам разума и духа, другие опускались ниже, пока не застряли на уровне низменного умственного и морального развития. Поэтому любые попытки соединить различные пути человеческого развития лишь заведут высокоразвитую расу в болото, где она погибнет. Последователи этих теорий верили в торжество над «недочеловеками», если будут созданы непреодолимые барьеры, охраняющие биологическую «чистоту» представителей высшей «нордической» расы.

Никакой единой магистрали у человечества никогда не было, решительно утверждал немецкий философ Освальд Шпенглер, увидевший в поражении его родины в 1918 году закат европейской цивилизации. Каждая мировая цивилизация (а таких было восемь, по мнению О. Шпенглера) шла своим особым путем. Их пути лишь случайно пересекались, а потому эти цивилизации не имели ничего общего друг с другом. Сходство в судьбах цивилизаций объяснялось лишь одинаковым строением дорог, по которым они шествовали. Каждый путь начинался с подъема. Дорога веда на ровное плато, затем вниз и завершалась падением в пропасть. Без-

апелляционность Шпенглера убеждала людей в справедливости его оценок прошлого и пессимистического взгляда на будущее.

Единой магистральной дороги у человечества нет, соглашался с немецким философом британский историк Арнольд Тойнби. Однако, владея историческим материалом неизмеримо лучше Шпенглера, он привадил убедительные свидетельства в пользу того, что цивилизаций было не восемь, а двадцать одна. Соответственно существовал и двадцать один путь развития. Правда, Тойнби соглашался со Шпенглером в описании дорог, по которым шли цивилизации. Он также считал, что они все начинались с подъема, выходили на ровную возвышенность, затем шли под уклон и завершались обрывом. Как и марксисты, он объяснял такое устройство дорог борьбой в обществе, в том числе и классовой. В то же время он подчеркивал, что становление и развитие цивилизаций нельзя понять, не учитывая борьбы людей против неблагоприятных условий природы.

В отличие от идеологов просвещения и марксистов, считавших, что открытые ими схемы движения человечества хороши для всех стран мира, Тойнби полагал, что дороги, выбранные различными цивилизациями, очень отличаются друг от друга. Там, где географические условия были удобными, утверждал Тойнби, люди останавливались в своем развитии, наслаждаясь природными благами, что и приводило их к застою. Там, где природа была слишком сурова,

люди также застывали на месте, не в силах двинуться дальше. Там же, где условия были достаточно трудными, чтобы стимулировать людей к борьбе за улучшение своей жизни, но не слишком жестокими, чтобы парализовать их силы, они энергично двигались вперед. Поскольку же природные условия на Земле были везде различными, это во многом обусловило неповторимые черты каждой из двадцати одной цивилизации.

Русский ученый Лев Гумилев также исходил из того, что человеческое развитие состоит из подъема, ровного пути по возвышенности, спуска и падения. Как и А. Тойнби, он особо подчеркивал роль природы в формировании уникальных черт развития человеческих сообществ. Правда, помимо внимания к земным условиям Гумилев обращал взор и за пределы нашей планеты, считая, что есть некий космический фактор, влияющий на появление у людей огромной дополнительной энергии. В то же время Гумилев решительно возражал против границ между цивилизованным и нецивилизованным человечеством, проведенных А. Тойнби. Ученый, в частности, отказывался признавать кочевников нецивилизованными. Л. Гумилев вообще предпочитал оперировать не с цивилизациями, а с бесчисленными «этносомами», которые складывались в определенной природной среде и отражали ее черты.

Считая, что отрыв людей от природной среды нарушил равновесие между жизнью и смертью на планете, Гумилев с

сомнением воспринял идею Владимира Вернадского о том, что *«область разума» (или «ноосфера») является естественным развитием «области жизни» (или «биосферы») и служит надежным средством борьбы против космической смерти. Лев Гумилев ставил вопрос: «Так ли уж разумна ноосфера?» – и, отвечая на него, уверял, что «область разума» – главный враг жизни на Земле. При этом Гумилев ссылаясь на различные свидетельства о вреде, нанесенном природе человеческой цивилизацией.

Даже ученые люди на вопрос о том, нужно ли существование человеческого разума для Земли и земной жизни, не могли дать однозначный ответ. Все больше споров возникало по поводу различных схем, с помощью которых определялось движение человечества. Эти споры усиливались по мере того, как возрастали познания людей о мире.

У различных ученых, возникали сомнения в правильности представлений об исходных и последующих пунктах движения человечества, сложившихся в XVIII–XIX веках. Так ли уж был дик человек во времена «дикости»? Имеющиеся сейчас у науки данные не оставляют камня на камне от представлений о тупом и неразвитом первобытном человеке. А существовало ли «варварство» как особое состояние человечества? Разве все народы проходили стадию развития, занимаясь, подобно некоторым кочевым племенам, жестоким и бессмысленным уничтожением людей и материальных ценностей? Кроме того, изучение жизни кочевых народов, напа-

давших на различные страны, позволило усомниться в том, что они были заняты лишь варварскими разрушениями цивилизованных стран.

А что такое «цивилизация» и «цивилизованный»? Ныне эти слова звучат чуть ли не в каждом телевизионном репортаже. Их используют для оценки государственных законов, автомобильных дорог или городских прачечных. При этом авторам репортажей и телезрителям ясно, что «цивилизованный» – это хорошо, а «нецивилизованный» – очень плохо. Между тем понятия «цивилизованный» и «цивилизация» охватывают столь разнообразный опыт различных человеческих сообществ, что с их помощью невозможно выносить морализаторские суждения по поводу нашей современной жизни, тем более ее частных явлений. Известно, что «цивилизованная» стадия развития человечества не исключала, а предполагала сохранение многих черт, которые в обыденном сознании ассоциируются с «дикостью» и «варварством». Известно, что на протяжении мировой истории в цивилизованных странах развитие некоторых аспектов общественной организации нередко сочеталось с деградацией людей в умственном и духовном отношении по сравнению с их «нецивилизованным» состоянием. Расцвет цивилизованных искусств часто происходил на фоне массового невежества. В подавляющем большинстве цивилизованных стран сохранялись жестокие обычаи, совершались чудовищные расправы над людьми и массовые человеческие

жертвоприношения. Наверное, прав был Марк Твен, которому так надоело лицемерное употребление этих слов, что он воскликнул: «Я ненавижу слово «цивилизация». В нем – фальшь!»

Широкое распространение в обыденном сознании искаженных представлений о «цивилизации», «варварстве» и «дикости» отражает влияние мифа о магистральной дороге, по которой якобы движется человечество. Этот миф появился в Западной Европе; и в его основу были положены события, происходившие в странах этого региона. Но можно ли считать, что все наиболее значительные события в жизни человечества произошли в Западной Европе? Такое искаженное представление позволяет, например, считать способ ведения хозяйства, государственный строй, образ жизни Греции и Рима основополагающими для понимания древней истории человечества. В то же время остальные народы планеты, в том числе достигшие высокого уровня развития, выглядят остановившимися на обочине магистральной дороги человечества. В результате этого рабовладение, сыгравшее значительную роль в хозяйстве Средиземноморья, но не ставшее главным фактором развития большинства цивилизованных стран Азии и Африки, до сих пор считается в обыденном сознании одной из главных вех во всемирной истории. А существовала ли вообще «рабовладельческая» стадия общественного развития?

В схемах единого пути развития, которые до сих пор вли-

ают на обыденное восприятие мировой истории, сомнения вызывает чуть ли на каждый отрезок этого маршрута. В соответствии со схемой исторического развития после станции «Рабовладение» человечество попадало на станцию «Феодализм». Известно, что во времена феодализма в Западной Европе помещики угнетали крепостных крестьян и, чувствуя себя полновластными владыками в своих имениях, ни в грош не ставили слабую центральную власть. Но можно ли говорить о повсеместном распространении феодализма, если в Азии этим же словом называют строй, при котором почти нигде не было крепостного права и часто сохранялось сильное централизованное государство? Может быть, «феодализм» было несколько, как секретных городов в СССР: «феодализм-1», «феодализм-11» и т. д.?

Но уж если брать за основу историю Западной Европы, то нет оснований признавать феодализм более Высокой стадией развития общества. Известно, что этот «прогрессивный» строй отбросил значительную часть Западной Европы по уровню ее развития на несколько столетий назад. А существовал ли вообще прямой путь, по которому все человечество могло двигаться вперед?

Не меньше вопросов можно было бы задать и авторам теорий о разных путях человечества. Сколько же было таких путей: два, восемь, двадцать один или больше? Если цивилизаций было несколько и каждая из них шла своим путем, то почему весь мир достиг немалого сходства в своем нынеш-

нем состоянии? Если у каждой цивилизации был свой путь развития, то почему, откуда бы они ни стартовали, дорога сначала шла вверх, а обрывалась вниз? Но если все до сих пор существовавшие цивилизации сваливались в пропасть, то почему человечеству все же удалось шагнуть вперед в своем развитии?

Тем не менее старинные схемы продолжают оказывать свое воздействие на массовое сознание современных людей через учебники, популярную литературу и массовую информацию. Ученые же научились заниматься своими исследованиями, не пытаясь громогласно опровергать отжившие представления. В то же время они давно осознали коренные недостатки прежней исторической науки. Обращение историков XX века к другим наукам, помимо чисто исторических, французский ученый Фернан Бродель объяснял их неудовлетворенностью прежними методами познания прошлого. Ф. Бродель писал о вторжении «в открытое пространство истории многочисленных наук о человеке: географии, политической экономии, демографии, политологии, антропологии, этнологии, социальной психологии и исследований культуры... Все они бросают на историю свой отблеск, все задают прошлому новые вопросы». Эти вопросы часто сводились к тещу, который сформулировал еще в XIX веке русский ученый Лев Ильич Мечников (брат известного биолога И. И. Мечникова): «Каковы естественные причина неравного распределения благоденствий и тягостей цивилизации?»

Обращение к другим общественным и естественным наукам позволяло взглянуть за пределы маршрутов, по которым якобы шествовали народы мира, увидеть множество других обстоятельств, влияющих на их историю, установить многочисленные связи человеческого развития с живой и неживой природой.

В поисках «естественных причин», влияющих на историю человечества, Александр Чижевский, как и Лев Гумилев, обратился к космосу. В отличие от Гумилева, Чижевский не испытывал сомнений в том, где находится источник излучений, влияющих на земные события. Он считал, что значительное влияние на ход исторического развития оказывает Солнце. С циклами солнечной активности, утверждал А. Чижевский, связаны частота землетрясений и наводнений, рост растений и приплод у животных, распространение массовых физических и психических заболеваний, восстания и войны. При этом некоторые циклы накладывались друг на друга, солнечная активность в ее пиках возрастала и ее воздействие особенно усиливалось. Поскольку все эти события прямо или косвенно изменяли ход истории, то путь развития цивилизации представился Чижевскому в виде бесконечного чередования подъемов, ровных участков и падений.

Если в своем изучении истории человечества А. Л. Чижевский обратился с телескопом к небу, то Ф. Бродель повернулся чуть ли не с микроскопом к земле, предприняв микрогеографическое исследование своей родины, чтобы

лучше понять ее путь, а заодно разузнать, где пролегали дороги мировой цивилизации. Для этого Ф. Бродель изучал рельеф и свойства почв в различных департаментах Франции и отдельных частях этих департаментов. Он обращал внимание на то, как эти отличия влияли на род занятий, образ жизни, особенности речи, религиозные взгляды и политические симпатии. Он установил, что различные факторы природы и общественного развития то соединяли людей, то разводили их по разным направлениям.

Чем глубже шел поиск, тем чаще обращались исследователи к изучению влияния природы на историю народов, поскольку в древние времена люди почти всецело зависели от нее. И те, кто искал разгадку человеческих судеб в небе, и те, кто разыскивал следы исчезнувших исторических путей на земле, принимали во внимание природные условия, в которых рождались и развивались народы. Мы до сих пор во многом зависим от условий природной среды, которые сформировали наших далеких предков, их физический организм и облик, их взгляды на мир. Мы сами являемся живыми следствиями побед и неудач наших предков в их попытках преодолеть тяжелые условия окружающей среды или использовать ее благоприятные стороны.

В поисках ответа на вопрос, как влияет природа прошлого на нашу нынешнюю жизнь, ученые вглядывались в условные обозначения и линии географических карт, изображавшие изотермы, меридианы и параллели, низменности

и возвышенности, реки и морские побережья. В сочетаниях этих условных, обозначений и пересечениях географических линий они пытались найти маршруты человеческой истории. Пытаясь обнаружить «основные пружины цивилизации», автор книги с таким названием – американский антропогеограф Элсуорт Хантингтон использовал географические карты мира и различных регионов планеты, сведения из современной политической географии и археологии, а также данные метеорологии и диетологии, агрономии и этнографии, теорий экономических и природных циклов.

Использование данных самых различных естественных и общественных наук позволяло преодолеть упрощенные представления об одном, двух или даже двадцати одном пути цивилизаций, то однообразно прямых, то с одинаковыми подъемами и спусками. Однако привлечение столь разнородных факторов превратило мировую историю в пеструю картину, составленную из индексов производства, метеосводок, рационов питания и прочего. Соединить эти сведения было нелегко, а попытки свести все эти данные к единому знаменателю приводили к сомнительным результатам. Так на основе полученной им информации Э. Хантингтон в 1945 году пришел к выводу, что лидером мирового развития должна стать Новая Зеландия. Однако известно, что, занимая неплохие позиции в мире, эта страна ни тогда, ни через полвека так и не превратилась в центр мирового развития.

Очевидно, что вторжение в историческую науку других

наук, похоронив старые схемы мирового развития, еще более затруднило понимание того, что же случилось с человечеством в прошлом. Научная добросовестность ученых не позволяла им с математической точностью описать путь, проделанный человечеством, его направление, этапы, перекрестки и развилки. Между тем потребность хотя бы в приблизительном описании судеб народов мира не менее насущна, чем в гипотезах о происхождении Вселенной, Солнечной системы, земной жизни и человека. Человечество нуждается в представлениях, с помощью которых, оно может хотя бы приблизительно определить свое местонахождение во времени, чтобы не ощущать себя песчинкой, беспорядочно мятущейся в хаотичном мире. Именно по этой причине люди продолжают придерживаться заведомо неверных схем исторического развития, хотя они явно противоречат данным современной науки.

В то же время, покуда ученые запутывались в лавине научных данных, желание остальных людей получить новое и точное объяснение, откуда они пришли и кем были их предки, удовлетворялось писателями, которые часто не были обременены ни научными знаниями, ни склонностью к научному анализу. Они рубили с плеча и предлагали захватывающие объяснения происхождения человечества и цивилизаций, не подкрепленные ничем, кроме живого авторского воображения. Они находили истоки человеческих цивилизаций в космосе, на дне Атлантического океана, под льдами

Антарктиды, а порой обнаруживали активные тайные связи между современными цивилизациями нашей планеты и внеземными. При всей легковесности этих сочинений они во многих случаях обращали внимание на слабые стороны сложившихся представлений о прошлом и заставляли людей живо интересоваться тайнами истории.

Между тем, если бы историческая наука не сберегала давно отжившие схемы и не проявляла сдержанности в обработке и осмыслении собранных фактов, она давно смогла бы предложить обществу не менее интересные гипотезы исторического развития. Достаточно обратить внимание на многие данные, имеющиеся сейчас в распоряжении исторической науки, чтобы заметить в них пространственный порядок и временную последовательность, которые не получили ясного объяснения. Эта упорядоченность проявляется то в расположении государств и направлениях их экспансии, то во внутреннем сходстве между различными событиями в политике и науке, культуре и религии. В самых разных событиях истории порой обнаруживается некий скрытый строй и тайный ритм. Зачастую внешне хаотичный перечень исторических дат и географических названий обретает стройность, когда события прошлого сопоставляются с природными условиями. Задача сводится к тому, чтобы открыть причины, определяющие этот порядок. Неточность созданных до сих пор схем не означает, что в движении человечества не было смысла и логики.

Сведения, имеющиеся сейчас в распоряжении науки, позволяют понять, что история человечества – это не хаос дат, имен и географических названий. В то же время ее нельзя изложить в виде схем, напоминающих железнодорожные расписания или истории болезней. История человечества – это захватывающая драма. В ее конфликтах столкнулись судьбы разных стран и народов, их смелость и упорство, жадность и жестокость, глубина мысли и полет фантазии, вздорные предрассудки и нелепые страхи. Всемирная история изобилует острыми, часто детективными сюжетами. По ходу ее действия совершались великие подвиги и грандиозные преступления против народов и цивилизаций. В числе подозреваемых упоминают не только другие народы, но и космические силы. Как и в любом детективе внешне незаметные персонажи неожиданно, но в силу логичного развития сюжетной линии становились главными героями. И хотя на авансцену выходили все время новые и новые персонажи, а место действия постоянно менялось, события последовательно и в нараставшем темпе двигаются к кульминации и развязке.

Для того, чтобы разобраться, что было причиной того или иного поворота в историческом развитии, следует внимательно рассмотреть различные версии, которые были предложены историками и философами за несколько веков. Хотя сейчас трудно не усомниться в правильности этих схем, далеко не все труды, положенные на их создание, можно счи-

тать ненужными для современной науки. Их авторами были, как правило, выдающиеся ученые, и они создавали свои теории на основе научных данных, многие из которых сохранили свою актуальность. Хотя многое в их оценках мировой истории в целом оказалось ненадежным, эти великие умы оставили достаточно глубоких наблюдений и выводов по самым различным вопросам человеческого развития. Разве нельзя и ныне найти «рациональные зерна» в учениях древних мудрецов, которые могут оказаться полезными для современности?

Правда, сами великие ученые зачастую не признавали правоты друг друга и обрушивали на своих оппонентов потоки острой критики. Однако, если постараться, можно найти «недостающие звенья», которые соединяют, казалось бы, их непримиримые аргументы. Таким же образом для того, чтобы узнать тайны цивилизации, возможно соединить факты из различных современных исследований со старыми теориями. Для поиска истины могут пригодиться даже самые сомнительные версии, которые содержат критику устоявшихся оценок и оригинальный взгляд на вечные тайны цивилизаций.

Прежде чем разбирать, что же произошло с цивилизацией, надо уточнить, что она из себя представляет, избегая моралистических суждений. Что есть такое в цивилизации, чего нет у нецивилизации? Конкретные признаки, по которым можно отличить цивилизацию от нецивилизованного состо-

нения, можно найти у самых различных авторов, в том числе и у тех, кто предлагали довольно расплывчатые характеристики цивилизации и дикости или уклонялись от того, чтобы дать какие-либо определения на этот счет. Так, Фридрих Энгельс писал, что цивилизация «является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе». Э. Хантингтон, говоря об относительности любой цивилизованности, все же признавал, что знает, как можно распознать цивилизацию: «В общем и целом, можно сказать, что цивилизация начинается, когда люди научились заниматься сельским хозяйством, жить в постоянных общинах, создают определенные формы государства и овладевают искусством письма».

Собрав признаки, отличающие цивилизации от нецивилизованного состояния из суждений Ф. Энгельса и Э. Хантингтона, можно получить примерно следующее: в нецивилизованном обществе труд людей не разделен на различные роды занятий и профессии, нет обмена продуктами, люди не умеют заниматься сельским хозяйством, а добывают себе пропитание охотой и собирательством, они ведут кочевой образ жизни, у них нет государства и они не умеют писать. Как справедливо подчеркивал А. Тойнби, такое общество развивается сравнительно медленно и, по сравнению с цивилизо-

ванным, оно кажется остановившимся в развитии. При этом можно заметить, что для такого общества характерна определенная культура, а нецивилизованные люди не обязательно ведут себя дико или по-варварски.

Люди становятся цивилизованными, как только обретают ряд черт, противоположных некоторым из вышеперечисленных: они начинают вести сельское хозяйство, их труд разделяется по родам занятий, они постоянно обмениваются продуктами своего труда, которые превращаются в товары, их знания становятся специализированными, они обретают письменность, создают постоянные поселения, а также государственное устройство. Такое общество развивается быстрее по сравнению с нецивилизованным. Из этого вовсе не следует, что цивилизованные люди избавляются от диких или варварских черт в своем поведении. Возможно, такое представление о цивилизованном и нецивилизованном обществе не является полным, но оно гораздо лучше, чем популярные представления о том, что цивилизация – это хорошо, а нецивилизованность – это плохо.

Каким же образом и где нецивилизованное общество превращается в цивилизованное? А не удастся ли вычертить на земной поверхности пути движения человечества и обнаружить координаты стартовых площадок цивилизаций? Возможно, такие попытки не бесспорны. Вероятно, как и в старинных схемах, в разгадке тайн исторического развития будут упрощения и неточности. И все же почему бы не попы-

таться накануне вступления человечества в новое тысячелетие представить себе его исторический путь? Для этого достаточно воспользоваться некоторыми данными, широко известными науке в конце XX века, и начать с самого начала человеческой истории.

Часть 1

Древние тропы животных

Виктор Васнецов. Первобытные люди

Глава 1

Почему рождались цивилизации?

Для того, чтобы понять, где начался исторический путь развития человечества, правомерно задать вопрос: «Почему первые цивилизации возникли там, где они возникли?» На этот счет в разное время было предложено несколько версий.

«Фактор икс» космического происхождения

Изучая, каким образом возникали различные этнические культуры, или этносы, Л. Н. Гумилев обратил внимание на две стороны этого процесса. Во-первых, появление новых человеческих сообществ, по мнению ученого, сопровождалось повышенной активностью наиболее динамичной части населения, которых он назвал «пассионариями». Во-вторых, Гумилев утверждал, что характер человеческого общества зависит от того места, где он складывается.

Эти наблюдения привели ученого к выводу, что для создания новых человеческих культур необходим особый «вид энергии, который непосредственно воздействует на поведение людей», а эффект этой энергии можно обнаружить в психике человека. Таким «эффектом», или «фактором икс», Гумилев объявил «человеческую страсть», или «пассионар-

ность».

Объясняя значение этого изобретенного им термина, Гумилев писал: «Пассионарность как энергия – избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению. Характеристика поведения – эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели. Пассионарный импульс – поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения. Пассионарный признак – рецессивный генетический признак, обуславливающий повышенную абсорбцию особью биохимической энергии из внешней среды и выдачу этой энергии в виде работы. Пассионарный толчок – микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах».

Но откуда же бралась эта особая энергия, которая, по мнению Гумилева, заставляла людей действовать вопреки своим личным и даже «видовым» интересам, но зато творчески и энергично?

Л. Н. Гумилев писал, что на поверхности планеты можно найти следы проявления пассионарности, рожденные неким внешним источником. Он утверждал: «Создается впечатление, будто земной шар исполосован неким лучом, причем – с одной лишь стороны, а распространение пассионарного толчка ограничивалось кривизной планеты. На месте «уда-

ра» появляются разнообразные мутанты, большая часть которых не жизнеспособна и исчезает в первом же поколении. Пассионарии также находятся вне нормы, но особенности пассионарности таковы, что, прежде чем ее устранил естественный отбор, она оставляет след в этнической истории и в истории искусства и литературы, поскольку три другое – продукт жизнедеятельности этноса».

Пассионарность, по мнению Гумилева, была рождена особой энергией, источник которой находился за пределами Земли, то есть в космосе. Таким образом, гипотеза Гумилева предполагала наличие космического импульса, приводящего в движение созидательные силы людей и подвигающего их к созданию развитых культур. В настоящее время наука не имеет возможности ни неопровержимо доказать правоту гипотезы Гумилева, ни полностью опровергнуть ее. Ни астрофизика, ни биология не зарегистрировали сведений о космических излучениях, способствующих развитию людей или человеческого общества, но нет и данных об отсутствии таких излучений. Неприятие же Гумилевым идеи Вернадского о «ноосфере», или «области разума», привело его к тому, что он обращал главное внимание на эмоциональную сторону в поведении человека («пассионарность»), игнорируя его интеллектуальную сторону. Получалось, что для перехода в качественно новое состояние человек больше полагается на очень «горячее сердце» (действия «ради иллюзорной цели»), чем на «холодную голову».

В то же время Гумилев справедливо указывал на то, что инициаторы создания первых человеческих сообществ должны были – обладать особыми психическими качествами. Не менее важным в этой гипотезе было внимание к условиям природы, в которых происходило рождение человеческих сообществ.

Однако если версия Гумилева, изложенная в осторожной и даже несколько завуалированной форме, осталась достоянием лишь сравнительно небольшого круга российских читателей, то гипотеза фон Деникена о космическом происхождении человеческой цивилизации получила всемирную известность. Примерно два десятилетия назад внимание читателей и кинозрителей всего мира было захвачено книгами и фильмами Эрика фон Деникена. Их автор доказывал, что все земные цивилизации были созданы пришельцами из космоса. В качестве доказательств плодовитый писатель использовал фотографии и киноматериалы, снятые в Египте и на острове Пасхи, в Перу и Мексике, а также во многих других странах.

Аргументы фон Деникена казались неотразимыми, а его объяснения убедительными. Чем, как не воспоминаниями о космических полетах, можно было объяснить рассказ в шумерском эпосе о полете Гильгамеша, в ходе которого он увидел, что Земля похожа на тарелку? Можно ли сомневаться, что фигурки в странных шлемах, запечатленные в наскальных рисунках в Сахаре, это – космонавты? Что, как не изоб-

ражение космонавта, можно увидеть в необычно одетом человеке на рисунке майя? Разве не для космических кораблей были прочерчены полосы, а также изображения необычных существ в пустыне Наска, видимые лишь с самолета?

Наконец, вопрошал фон Деникен, каким образом жители Древнего Египта и других стран могли сооружать циклопические постройки, если для их демонтажа в наши дни потребовалась самая совершенная строительная техника? Кто же, как не космические пришельцы, могли воздвигнуть пирамиды в Египте и Мексике, циклопические сооружения в Баальбеке, исполинские статуи на острове Пасхи?

Однако, несмотря на некоторые впечатляющие доводы и явно уязвимые положения, гипотезу фон Деникена также нельзя было ни наверняка доказать, ни безусловно опровергнуть. С одной стороны, со времен Джордано Бруно ученые не отрицают возможности существования внеземного разума. С другой стороны, все попытки установить наличие разумных существ за пределами нашей планеты пока не принесли успеха. Кроме того, до сих пор история не знает ни одного свидетельства посещения Земли разумными существами из космоса, которое было бы бесспорно доказанным.

В то же время автор «Воспоминаний о будущем» справедливо обратил внимание на то, что многое еще остается неясным относительно памятников прошлого, их назначения и технологии их создания. Собранные им материалы демонстрировали, что становление и развитие цивилизаций нель-

зя однозначно объяснить на основе имеющихся ныне исторических знаний.

Прародины цивилизаций на дне океана или под толщей льдов

Невозможность объяснить назначение многих культурных творений древности и способы их создания служила почвой для появления самых разнообразных гипотез, в которых происхождение первых цивилизаций объяснялось воздействием более высоко развитого разума.

Первые сомнения в оригинальности древних цивилизаций были рождены сочинениями об Атлантиде. На основе легенды, рассказанной Платоном, написано десятки тысяч книг, в которых не только излагались мысли о том, каким был остров, «расположенный в море за Геркулесовыми столпами», но и какое влияние оказала исчезнувшая атлантическая культура на развитие человеческого общества. В соответствии с утверждениями атлантологов, Египет и Мексика, Шумер и культуры Дальнего Востока были лишь периферией Атлантического цивилизующего центра. Поэтому сходства в их культурах можно объяснить тем, что все они копировали достижения Атлантиды, порой механически и бездумно. Если верить атлантологам, то корни человеческой истории следует искать не в долинах Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Хуанхэ, на плоскогорьях Анатолии, Палестины и Мексики, а

в пучинах Атлантического океана. Однако, несмотря на различные попытки обнаружить памятники працивилизации на дне Атлантического океана или вблизи него, усилия атлантологов пока не увенчались успехом.

Новый вариант гипотезы о погибшей прародительнице первых цивилизаций предложил Грэхем Хэнкок в его книге «Следы богов». Автор утверждал, что первая земная цивилизация, принесящая культуру народам обеих полушарий, находилась в Антарктиде, до того, как оказалась погребенной под толщей ледников.

Подобно фон Деникену, Хэнкок обращал внимание на пирамиды Египта и Мексики, циклопические постройки в Перу, рисунки в пустыне Наска и другие памятники древности. Однако, в отличие от Э. фон Деникена, Г. Хэнкок полагает, что эти древние сооружения и рисунки были созданы жителями Антарктиды.

Подобно атлантологам, Г. Хэнкок исходил из того, что многие творения древних народов являлись продуктами Антарктической цивилизации, а египтяне, инки, майя и другие народы были не только не в состоянии самостоятельно создать что-либо значительное, но и понять назначение того, что было сооружено на их земле людьми Антарктиды. В соответствии с версией Г. Хэнкока, места появления известных нам древних цивилизаций были избраны не обитавшими там народами, а жителями Антарктиды, которые, по известным лишь им причинам, решили «окультурить» дикарей

Анд, Мексиканского нагорья и дельты Нила.

Как и атлантическая, антарктическая гипотеза пока не имеет убедительных подтверждений. Окончательные выводы о справедливости или ложности этих гипотез могут быть сделаны лишь после того, как люди смогут проводить детальные исследования дна Атлантического океана и поверхности Антарктиды, скрытой под километрами льда. В то же время, исходя из гипотезы о наличии общего источника первых цивилизаций, Г. Хэнкок, как и атлантологи, сумел привлечь внимание к сходству между разнообразными явлениями в разных человеческих культурах. Хотя такое сходство может быть объяснено общностью человеческой природы и едиными законами общественного развития, авторы антарктической и атлантической гипотез справедливо обратили внимание на наличие недостающих звеньев в человеческой истории, которые обеспечивали связи между различными частями мировой цивилизации.

Энтузиасты Атлантиды или антарктической працивилизации обращали особое внимание на наличие сходства в памятниках, сохранившихся от древних цивилизаций Африки, Азии и Америки. Эти авторы также указывали на идентичность мифов самых разных народов, полагая, что они косвенно отражают одни и те же реальные события. При этом авторы этих гипотез предлагали свои версии прочтения мифов, обнаруживая в них свидетельства существования в древности высокоразвитых цивилизаций, ныне погребенных

под водами Атлантики или льдами Антарктики.

Как и в гипотезе Э. фон Деникена, в версиях атлантологов и Г. Хэнкока справедливо признавалась возможность существования более ранних пластов человеческой истории, до сих пор скрытых от взора ученых. Г. Хэнкок, в частности, приводит убедительные данные в пользу того, что современные сведения о датировке ряда древних памятников Египта нельзя признать окончательными, а поэтому он предполагает их значительно более древнюю историю. Не следует забывать, что еще недавно представления о пространственных и временных рамках Древней истории были значительно скромнее, чем наши нынешние, а наши современные знания о прошлом человечества получены сравнительно недавно.

Еще в конце XIX века Лев Мечников в своих рассуждениях о влиянии природы на создание первых цивилизаций исходил из того, что «в Индии самые древние постройки и храмы не превосходят своей древностью эпоху III века до начала новой эры». Он же так оценивал историю Китая: «Все данные, восходящие ранее чем за десять веков до Р.Х., нужно считать малодостоверными, и даже большинство китайских историков рассматривают все события, предшествующие 9-му столетию до начала нашей эры, как стоящие «вне истории». Даже в начале XX века ученые практически ничего не знали ни о древних культурах в долине Инда, ни о древней африканской истории, ни о многих других свидетельствах того, что человеческая цивилизация имела более

широкие географические масштабы и более длительные временные пределы. Трудно усомниться в том, что наши нынешние знания о пространственных и временных границах первых цивилизаций могут вновь подвергнуться существенной корректировке.

Цивилизации создавали «высшие» расы

В гипотезах, которые связывали происхождение известных нам цивилизаций с деятельностью космических сил, или выходцами из Атлантиды и Антарктиды, было общее: все они исходили из того, что подавляющая часть человечества обязана своему прогрессу неким силам, представляющим культуры, которые намного-превосходили По уровню своего развития остальные сообщества людей. Общим для этих гипотез было и то обстоятельство, что о представителях этих культур нельзя было сказать ничего толком, а поэтому их облик оставался скрытым от всех. Л. Гумилев даже не пытался предположить, кто и из какого созвездия облучал «пассионариев» Земли. Фон Деникен лишь приблизительно пытался реконструировать облик пришельцев, не рискуя, однако, сказать, откуда они прибыли. Не больше было известно про гипотетических жителей Атлантиды и Антарктиды, которые, судя по имеющимся версиям, исчезли без следа.

Портреты творцов цивилизации попытались создать сторонники «расовых теорий», считавшие, что их потомки не

исчезли бесследно, а сохранились в представителях так называемых «высших» рас. В соответствии с положениями этих «теорий», «высшие» расы создавали высокоразвитые оригинальные цивилизации, а «низшие» были способны либо к нецивилизованному существованию, либо к разрушению и вульгаризации передовой культуры.

Первые расистские представления возникли еще в Древней Греции. В своей «Политике» Аристотель утверждая, что рабы наделены по наследству «рабскими душами», что обуславливает их «естественное» подчинение рабовладельцам. Одновременно Аристотель утверждал, что лишь его соотечественники обладают способностями к созданию наиболее совершенного общественного устройства. Он писал, что эллины «являются свободными, а их способ управления наилучшим среди всех народов мира; если бы они смогли создать единое государство, то смогли бы управлять миром». Попытку управлять миром, насаждая «наилучшие» эллинские порядки, предпринял ученик Аристотеля Александр Македонский.

Впоследствии идеи о том, что в определенных землях рождались народы-творцы цивилизаций, а в других землях рождались «недочеловеки», неспособные к созданию развитой культуры, получили новый импульс в нордической гипотезе, взятой на вооружение германскими нацистами. В соответствии с ней Альфред Розенберг в своем труде «Миф XX века» так описывал цивилизационное движение по планете

«высшей» арийской расы; «Характер мировой истории, исходящей с Севера, распространился по всей Земле с помощью белокожей и светловолосой расы, которая несколькими мощными волнами определила духовное лицо мира».

Как и другие сторонники нордической гипотезы Розенберг видел в творениях древних цивилизаций Индии, Египта, Шумера и Греции прежде всего проявления созидательного духа нордической, или германской расы. Упадок же этих и других древних цивилизаций он объяснял исключительно проникновением в них «низших» рас.

Утверждения о том, что какой-то расе (белой, или нордической, или германской) принадлежала особая роль в создании передовой цивилизации, лишены основания. Ни антропологические данные о захоронениях, ни скульптурные портреты и прочие изображения людей, относящиеся к первым цивилизациям, не позволяют утверждать, что их население принадлежало исключительно к белой расе или обладало полным сходством с «нордическим» типом. Историки давно пришли к выводу о том, что первые цивилизации Земли создавались представителями всех известных и даже исчезнувших ныне рас, а также смешанных межрасовых групп.

Вынужденный признавать очевидное, Розенберг пытался отделить «высокое» начало в первых цивилизациях (якобы создававшееся представителями «высшей» расы) от «низменного» (порожденного якобы людьми «низших» рас). Для этого ему пришлось разделять пантеоны греческих и ин-

дийских богов, отделяя образы, рожденные фантазией «высшей» расы, от тех, которые, по его мнению, были привнесены кошмарами, возникшими в головах «примитивных» рас. Для этого он пытался найти германскую родословную у милых его сердцу деятелей Возрождения и обнаруживал «сирийское», «этрусское» или иное «низменное» происхождение у тех художников и скульпторов, которые ему не нравились. Розенберг даже постарался разделить фараонов Египта на «арийцев» и «неарийцев», исходя из весьма произвольных оценок внешнего облика статуй, посвященных этим древним монархам.

Очевидно, что расистские «теории» исходили главным образом из стремления «доказать» превосходство «своей» расы, «своего» народа, а порой отражали чисто субъективные взгляды их авторов на историю и искусство. Однако, несмотря на крайний субъективизм и антинаучность расистских «теорий», в них нашли отражение и объективно верные факты.

Оправдывая расовую рознь, расисты вместе с тем справедливо обращали внимание на глубокие корни расового антагонизма, который и до сих пор широко распространен в общественном сознании. Все, что нам известно о древней истории, не позволяет сказать, что отношения между различными народами мира строились исключительно на принципах дружбы, равноправия и братства. Напротив, недоверчивое и враждебное отношение к иноплеменникам было обыч-

ным явлением, а их внешние отличия помогали людям быстро опознавать «подозрительного» или «врага». Сравнительная же изолированность народов древности друг от друга, вероятно, способствовала тому, что племена людей значительно больше, чем, ныне, отличались своим внешним видом. Их расовые типы могли быть значительно ярче выражены. Отличить пришельцев от местных не составляло никакого труда, и любое отклонение от «своего» расового типа могло восприниматься как ненормальное или враждебное. Цвет кожи, цвет волос, формы черепа, носа, губ, разрез глаз – все эти отличительные расовые признаки могли стать сигналами опасности для сражавшихся между собой разнорасовых племен.

Можно даже предположить, что люди одной расы могли обращать особое внимание на те внешние черты чужаков, которые у их соплеменников могли возникнуть лишь в необычных условиях (например, под воздействием тяжелой болезни или как следствие агрессивного настроения). Например, поскольку европеец порой щурил глаза, концентрируя внимание вовремя обдумывания какой-то особенно сложной операции, характерный разрез глаз монголоидов убеждал его в том, что он имеет дело с людьми, постоянно озабоченными подготовкой хитроумного плана, а возможно, обмана. Поскольку же у европейца раздувались ноздри и набухали губы во время крайнего возбуждения, он видел в расширенных (по его стандартам) ноздрях африканца и его

крупных губах признаки необузданной страсти, а поэтому африканец представлялся особой, находящейся постоянно в состоянии повышенного возбуждения, а следовательно, лицом весьма опасным. С точки зрения представителей европейской расы, любые отклонения от их цвета кожи означали болезненное состояние. Для того, чтобы «нормальный» человек «пожелтел», или «почернел», или «покраснел», он должен был быть поражен тяжелой, возможно смертельной, болезнью.

В то же время с точки зрения представителей экваториальной расы, бледность кожи европейца могла восприниматься лишь как признак надвигающейся смерти. То обстоятельство, что люди, обладавшие кожей мертвецов, атаковали их поселения, могло вселять ужас в сердца чернокожих и свидетельствовать о смертельной опасности, нависшей над ними. С точки зрения представителей экваториальной и монголоидной расы, с «нормальным» человеком должно было произойти что-то исключительное, чтобы его волосы и глаза утратили их «естественный» черный цвет. При этом некоторые племена экваториальной расы могли знать, что утрата «естественной» пигментации обычно вызвана предсмертным состоянием. Знаменательно, что во время голода в провинции Биафра, случившегося в 1960-х годах в ходе гражданской войны в Нигерии, волосы умиравших от дистрофии детей черной расы обретали светлый цвет. Светлые волосы, да еще в сочетании с «бледными» глазами, могли

также вызывать ассоциации с предсмертным состоянием человека.

Эти и подобные им ошибочные истолкования расовых признаков связаны с неспособностью людей преодолеть свои субъективные представления о «своих» и «чужих», «правильном» и «неверном», «добродетельном» и «зловредном», а потому они поразительно живучи, сохранились до наших дней и являются важным фактором, объясняющим ход исторического развития.

Во-вторых, авторы расовых «теорий», как и создатели космических, атлантических и антарктических гипотез, справедливо обращали внимание на то, что творцы первых цивилизаций существенно отличались от других народов созидательными качествами, поскольку им удавалось сделать то, что оказывалось не под силу многим другим народам мира. Разумеется, совсем не обязательно, как это утверждали расисты, изобретатели новых орудий труда, творцы оригинальных строений и художественных произведений, авторы эпических поэм и сводов законов, организаторы новых общественных порядков принадлежали к одному расовому типу. Однако вполне вероятно, что создатели той или иной культуры могли иметь ярко выраженные однородные расовые признаки, в то время как мигранты, разрушившие эту культуру, могли принадлежать к иной расе.

Отличительные расовые признаки, как и проявления межрасового антагонизма, сопровождали становление первых

цивилизаций, хотя и не были движущей силой исторического, развития.

Цивилизации создавались разными расами в умеренном теплом климате

Люди давно пытались установить связь между географическими условиями и появлением талантливых людей. Объясняя причины расцвета Афин, в своем трактате «О судьбе» Цицерон писал: «В Афинах воздух тонкий, из-за чего жители Аттики, как думают, отличаются тонким умом». «Плотный» же воздух Фив, по мнению Цицерона, помешал их жителям развить тонкий ум, но зато укрепил их телосложение, и, как утверждал знаменитый оратор Рима, «фиванцы – люди плотные и крепкие».

В XIX веке связь между климатом и развитием умственных способностей пытался установить итальянский психиатр Чезаре Ломброзо. На основе имевшихся у него данных он утверждал: «Во всех низменных странах, как, например, в Бельгии и Голландии, а также в окруженных слишком высокими горами местностях, где вследствие этого развиваются местные болезни – зоб и кретинизм, как, например, в Швейцарии и Савойе, – гениальные люди чрезвычайно редки, но еще меньше бывает их в странах сырых и болотистых».

Разумеется, можно усомниться в этом категоричном заявлении, вспомнив таких граждан Швейцарии, как Руссо,

Эйнштейн и Дюрренматт, вспомнив Эразма Роттердамского, Рембрандта, Гальса, Брейгеля, Рубенса, ван Дейка, Рейсдала, ван Гога, де Костера, Верхарна, Метерлинка, Левенгука, Спинозу, а также множество других выдающихся уроженцев и жителей Нидерландов и Бельгии. Этот перечень славных деятелей науки и искусства опровергает представление о том, что горные долины и низменные равнины не способны стать местами рождений гениальных людей.

Кроме того, историкам было давно известно, что такие места рождения первых цивилизаций, как дельта Нила, устье Тигра и Евфрата, были низменными и болотистыми, в то время как такие цивилизации, как государство инков, были созданы в высокогорной местности. Поэтому трудно представить себе, что первые очаги мировой культуры создавались людьми, склонными к кретинизму. Сходство, которое усматривали многие историки и археологи в местах рождения первых земных цивилизаций, было иного рода.

По мнению германского ученого XVIII века Фридриха Ратцеля, которого считают основоположником антропогеографии (науки о влиянии географических факторов на человека), цивилизации создавались лишь между тропиком и полярным кругом. Такая мысль отвечала древней традиции ученого мира, в соответствии с которой подходящие условия для появления ведущих наций мира существовали лишь в умеренно теплом климате.

Многие ученые XX века продолжали поддерживать древ-

нее представление о благотворном воздействии умеренного теплого климата на развитие цивилизаций, добавляя к нему современные данные о солнечной радиации. Так, по мнению АЛ. Чижевского, место появления первых цивилизаций «является следствием той закономерности, которая наблюдается в распределении солнечной энергии и всех сопутствующих ей производных по широтам земного шара... Оптимум этих физических условий способствовал и физиологическому расцвету человека, сопровождающемуся его духовным ростом... История Ассирии, Вавилонии, Финикии, Египта, царства Израильского, Греции и Рима вполне подтверждают это бесспорное наблюдение». В более высоких широтах, считал ученый, было слишком мало солнца для развития цивилизаций, в более низких его было слишком много.

Подобной же точки зрения придерживался и Э. Хантингтон. В своей книге «Основные пружины цивилизации он попытался четко определить географические пределы региона, в котором могли возникнуть первые очаги оседлых культур. Он писал: «Земли, в которых расцвели первые цивилизации, находятся между 25-м и 35-м градусами северной широт. Ни одна из величайших образцов цивилизации не возникла ниже 25-го градуса от экватора. Египет, Вавилония и регион Инда, которые приводят в качестве примеров мест, где цивилизация развилась в жарком климате, не являются исключением из этого правила. Кроме того, в этих странах жара не царит постоянно. В каждой из этих стран,

по крайней мере, половина года температура воздуха соответствует людям, находящимся на ранней стадии цивилизации». Хантингтон приводил убедительные доводы и статистические данные, подтверждающие трудность физической работы как в условиях сильного холода, так и в условиях сильной жары и повышенной влажности.

Казалось бы, эти аргументы бесспорны и очевидны. Ясно, что холод – враг жизни, что морозы, даже небольшие и непродолжительные, способны останавливать развитие любого жизненного процесса, в том числе и общественного. Правда, еще задолго до возникновения первых цивилизаций люди сумели расселиться в северных краях, но очевидно, что условия их жизни там были нелегкими.

Что же касается приэкваториальных районов, то их климат сначала благоприятствовал людям, пока совершалось превращение приматов в разумных и прямоходящих существ. Именно в приэкваториальной полосе на Восточно-Африканское нагорье были обнаружены наиболее древние останки первобытного человека. Однако в последующем люди в этих краях стали подвергаться суровым испытаниям не только и не столько непосредственно от избытка солнца, сколько от косвенных последствий повышенной солнечной радиации, так как под ее воздействием здесь энергично развиваются другие формы жизни, конкурирующие с человеком и представляющие для него опасность.

Тропический климат особенно благоприятствует разви-

тию агрессивных форм жизни, способных к уничтожению своих конкурентов. Даже насекомые, которые в лесах умеренного климата не представляют никакой опасности для существования других животных, в тропиках могут стать источником смертельной угрозы. Как-то оказавшись в амазонском лесу, польский географ Аркадий Фидлер заметил, что все живые существа вокруг него пребывали в каком-то непонятном возбуждении. Вскоре он понял причину паники, охватившей зверей, птиц и насекомых: «В нескольких шагах от меня среди густой растительности ползет по земле широкий поток черной лавы – муравьи. Это шествие хищных муравьев эцитонов, несущих гибель всем живым существам, которые попадутся им на пути. Ничто не может устоять перед их натиском – ни человек, ни зверь, ни насекомое. Все, кто не в состоянии убежать, гибнут, разорванные на куски этими хищниками».

Объясняя, почему человеку трудно жить в лесах Амазонки, Аркадий Фидлер писал: «Он страдает от всевозможных тропических болезней:.. Паразиты пожирают внутренности человека. Здесь водятся глисты и микробы всех «специальностей». Они размножаются в тонких и толстых кишках, в почках, в печени, в крови... Несмотря на большую рождаемость, прирост населения здесь незначителен – дети мрут как мухи».

Насекомые, микроорганизмы и огромные звери в тропиках становятся смертельными врагами рода человеческого.

Об условиях Жизни на берегах африканской реки Окованго датский этнограф Йенс Бьерре писал: «Вреке Окованго не купаются. Она кишит крокодилами, и в ней живет белхасиа, крохотный паразит, разносчиком которого служит один из видов улиток. Белхасиа проникает под кожу человека и разъедает его внутренние органы».

Ко всему прочему в условиях тропической жары организм человека теряет ряд защитных свойств. Когда небольшой зверек покусал помощника Дж. Даррелла, им пришлось немедленно прекратить охоту. Комментируя это происшествие, британский зоолог писал: «В тропиках кровотечение происходит очень обильно: из самой маленькой царапины кровь льет, как из поврежденной артерии».

Казалось бы, аргументы о вреде чрезмерной жары и чрезмерного холода для развития цивилизаций и о пользе для него умеренного теплого климата бесспорны. И все же против того, что умеренный теплый климат был единственным и главным условием для появления первых очагов человеческих оседлых культур, существуют веские аргументы.

Во-первых, возникает вопрос: если сами по себе умеренные широты (от 25-го до 35-го градуса) играли решающую роль в рождении цивилизаций, то почему их действие проявилось в Северном полушарии и совсем не проявилось в Южном полушарии? Те, кто читал книгу «Дети капитана Гранта» или смотрел кино-или телеверсии, снятые по этому произведению, прекрасно помнят, что герои Жюль Верна

совершили путешествие в Южном полушарии очень близко к крайнему пределу этой полосы – по 37-й параллели. Как известно, на протяжении всего романа его герои пробираются по местности, почти лишенной каких-либо очагов современной цивилизации, а уж тем более древней. Но даже если бы записка капитана Гранта, обнаруженная в бутылке, заставила отважных путешественников пройти по всей полосе между 25-м и 35-м градусами южной широты через Южную Америку, Южную Африку, Австралию и острова Океании, то они не обнаружили бы там почти никаких памятников цивилизаций, за небольшими исключениями.

Одним исключением явились бы некоторые остатки доколумбовой цивилизации инков. Однако сама цивилизация инков сложилась севернее 25-го градуса южной широты, где и расположены ее главные памятники. Другим исключением стали бы загадочные статуи на острове Пасхи. Очевидно, что, за этими исключениями, в Южном полушарии влияние умеренного теплого климата на развитие цивилизаций никак не проявлялось.

Во-вторых, далеко не вся полоса между 25-м и 35-м градусами северной широты превратилась в оранжерею, в которой выращивались цивилизации. Об этом свидетельствует карта «Первые очаги мировой цивилизации на карте мира». Нетрудно убедиться в том, что значительная часть этой полосы не была занята территориями первых развитых человеческих культур.

Правда, значительная часть этой территории приходится на пустыню Сахару, пустынные районы Аравии и Индостана, суровый Тибет. Но следует учесть, что в древние времена климат в ряде из этих районов был мягче, в Сахаре паслись стада животных, а примерно с XI до II тысячелетия до н. э. здесь жили многочисленные племена охотников.

Кроме того, многие территории в этой полосе оказались освоенными людьми значительно позже; чем земли Египта, Междуречья, долин Инда и Хуанхэ. Если учесть, что Карфаген, Египет, Шумер и Персия расположены в одной широтной полосе, то возникает вопрос: почему Карфаген стал центром цивилизованного развития значительно позже Древнего Египта, а земля Персии оказалась освоенной людьми позже Междуречья? Доводы, приводимые Чижевским в пользу благотворного влияния определенных широт на развитие первых цивилизаций, игнорируют то обстоятельство, что подъем Греции и Рима отстал по времени от расцвета Египта и держав Месопотамии на тысячи лет.

В-третьих, очевидно, что многие очаги оригинальных цивилизаций сложились за пределами 25-го градуса северной широты. Южнее 25-го градуса северной широты и близко от экватора существовала развитая эфиопская цивилизация, бывшая ровесницей культуры Древнего Египта. На экваторе или вблизи него сложились цивилизованные государства юга Аравии, юга Индии, Цейлона, Камбоджи, Индонезии. Для первых же цивилизаций Америки и тропической Афри-

ки была даже характерна обратная закономерность: они создавались в полосе между 25-м градусом северной широты и 25-м градусом южной широты. (См. карту «Первые цивилизации Америки и тропической Африки».)

Стараясь опровергнуть очевидное, Хантингтон утверждал, что цивилизации «майя в Мексике и Гватемале, кхмерская в Индокитае, древних яванцев, южных индийцев, сингальцев... кажется, произошли в более прохладном климате, чем тот, что имеется там, где лежат руины этих древних цивилизаций, вызывающие наше восхищение... Цивилизация была принесена в теплые тропики мигрантами, которые невольно прошли суровый отбор во время своих нелегких путешествий». Хотя Хантингтон прав в том, что великолепные храмы Ангкор-Вата и Борободура сооружались выходцами из Индии, но не временно нанятыми мигрантами и не вахтенным способом, а людьми, которые в течение нескольких поколений жили в климате, якобы противопоказанном для рождения цивилизаций.

При всех несомненных достоинствах умеренного теплого климата и его благотворного воздействия на развитие ряда стран приведенные выше доводы позволяют усомниться в том, что климат, существующий в широтах между 25-м и 35-м градусами, являлся единственным и решающим фактором в рождении первых цивилизаций.

В то же время совершенно очевидно, что многие из первых к наиболее значительных центров мировой цивилизации

сложились в этой полосе, и это обстоятельство также нельзя сбрасывать со счетов.

Цивилизации прорастали в долинах крупных рек

На то, что умеренный теплый климат не является единственным и главным условием появления цивилизаций, обратил внимание еще 110 лет назад русский ученый Лев Ильич Мечников. В своей книге «Цивилизация и великие исторические реки» ученый писал, что «три древние речные цивилизации, именно египетская, ассиро-вавилонская и индийская, во всем своем объеме заключены между средними годовыми изотермами в +20 и +26 градусов», однако он замечал, что «китайская цивилизация на севере выходит за пределы этих изотерм и достигает изотермы в +15 градусов». И все же, не отказываясь полностью от признания большой роли умеренного климата, Л. И. Мечников считал великие реки планеты, протекавшие в умеренных широтах, главным фактором, повлиявшим на формирование первых земных цивилизаций.

Эго положение нам известно еще из уроков истории древнего мира. Насучили, что первые цивилизации возникали не только в теплых краях, но и в долинах крупных рек, приносивших во время разливов плодородный ил. Сочетание тепла и плодородной почвы позволяло собирать по 2–3 урожая в год. Исходя из этих известных установок, Л. И. Мечников

открывал всемирную историю с появления «четырех великих цивилизаций древности – Египта, Месопотамии, Индии и Китая, – возникших в бассейнах великих рек».

И все-же этот давний аргумент не является бесспорным. Во-первых, далеко не все долины крупных рек мира, находящиеся в этих широтах, стали колыбелями первых земледельческих цивилизаций, а лишь долины Нила, Евфрата, Тигра, Инда и Хуанхэ. Распространение земледелия и соответствующей общественной культуры в долинах Ганга, Брахмапутры, Янцзы, Сицзяна, Меконга, Иравади, Менама и других мощных рек Восточного полушария, протекающих между 35-м и 25-м градусами северной широты, началось на тысячелетия позднее.

Цивилизации, возникшие позже в Америке, также не развились вдоль наиболее мощных рек этой части света, протекающих между 35-м и 25-м градусами северной или южной широты, и долины Миссисипи или Параны не стали колыбелями доколумбовых культур. Древние культуры ацтеков и пуэбло словно нарочно избегали долины Рио-Гранде, предпочитая распространяться на землях южной Мексики и юго-западных платов США в стороне от крупных рек.

Хотя некоторые древние цивилизации Африки развились в долинах Нила, Замбези и вдоль течения Нигера, создание государств в долинах реки Конго и ее притоков, Оранжевой и ряда других крупных рек произошло гораздо позже.

Во-вторых, одновременно с развитием цивилизаций в до-

линах Нила, Евфрата, Тигра и других мощных рек, некоторые ранние цивилизации возникли в стороне от мощных речных потоков. Так государство Элам, сыгравшее весьма значительную роль в истории, начиная со 11 тысячелетия до н. э., сложилось в южной части нынешнего Ирана, где протекали сравнительно небольшие реки Керхе и Карун.

Одной из трех великих держав Древнего Востока, наряду с Египтом и сменявшими друг друга государствами Месопотамии, было Хеттское царство, возникшее в начале 11 тысячелетия до н. э. на восточной части центрального плато Малой Азии в долине реки Кызыл-Ирмак, которая не идет ни в какое сравнение по своим размерам с Нилом или Хуанхэ. Между тем эта держава не только не уступала своим соседям, но даже опережала их во многих областях развития.

Различные государственные образования, которые появились в III–II тысячелетиях до н. э. на территории нынешних государств Ближнего Востока (например, Финикия) также сложились в стороне от полноводных рек. Вне крупных рек сложилась крито-микенская культура, а затем ее наследница – греческая.

В-третьих, даже там, где цивилизации развивались возле крупных рек, первые их очаги в ряде случаев возникали не ниже по течению, где реки особенно полноводны и поэтому возможности для оросительного земледелия лучше, а в их верховьях (Инд и Хуанхэ), где воды меньше и создавать ирригационные системы труднее.

В-четвертых, там, где цивилизации создавались в низовьях рек (низовья Тигра, Евфрата, Нила), сооружение оросительных систем было затруднено необходимостью осушения болот. Почему же древние египтяне и шумеры не начали развивать земледелие в среднем течении этих рек, где это было удобнее делать, а лишь впоследствии приступили к этому? Если бы главным для них были удобства, создаваемые реками для земледелия, то вряд ли они выбрали бы с самого начала для пашен столь неудобные места.

Из этого следует, что, с одной стороны, нет оснований полагать, что мощные потоки пресной воды стали главным фактором в рождении цивилизаций. С другой стороны, очевидно, что великие реки мира сыграли немалую роль в становлении первых очагов цивилизаций.

Цивилизации выковывались в трудных условиях

По мере того, как историки собирали все большую информацию о прошлом человечества, становилась очевидным невозможность объяснить связь между природными условиями и появлением Первых цивилизаций на основе прежних представлений о решающей роли умеренного климата и речных долин. По этой причине наиболее эрудированные историки пытались коренным образом пересмотреть старые представления, обратив внимание не на благоприятные условия окружающей среды, а, напротив, на ее негативные

стороны, которые могли способствовать мобилизации внутренних способностей людей на преодоление трудностей.

Сама по себе идея о том, что трудности, стоящие перед людьми, мобилизуют их внутренние резервы и помогают им изыскать новые силы для их преодоления, была давно известна людям. Эта идея с давних пор использовалась философами для объяснения положительного влияния плохих природных условий на развитие цивилизаций. Французский философ XVIII века Шарль де Монтескье считал, что холодный климат и плохая почва способствовали развитию у людей замечательных свойств характера. Он писал, что народы, живущие в холодном климате, «отважны как юноши», а народы южных стран «робки, как старики». Монтескье утверждал: «Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем не отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью». Получалось, что «чем хуже, тем лучше».

Подтверждая эту мысль богатым историческим материалом, британский историк Арнольд Тойнби рассказал о заболоченных местностях в дельте Нила и устье Тигра и Евфрата, где трудились древние египтяне и шумеры, о непроходимых джунглях, которые расчищали майя для своих полей и городов, о трудных условиях высокогорья, в которых жили и строили инки Эта сведения служили вескими свидетель-

ствами в пользу гипотезы ученого о том, что цивилизации создаются лишь по мере преодоления «вызова» окружающей среды.

Однако и эта гипотеза имеет свои уязвимые места. Гипотеза Тойнби была подвергнута критике, в том числе Львом Гумилевым. Русский ученый обратил внимание на разноречивость в подборе неблагоприятных факторов, которые, по оценке А. Тойнби, являлись «вызовами» для людей: «болота в дельте Нила, – вызов для древних египтян; тропический лес Юкатана – вызов-для майя; волны Эгейского моря – вызов для эллинов; леса и морозы – вызов для русских». «По этой концепции, – иронизировал Л. Н. Гумилев, – английская культура должна быть порождением дождя и тумана, но этого А. Тойнби не утверждает». В то же время Гумилев считал, что «самое важное – соотношение человека с ландшафтом – концепцией А. Тойнби не решено, а запутано. Тезис, согласно которому суровая природа стимулирует человека к повышенной активности... просто неверен».

По логике Тойнби, получается, что чем труднее условия жизни людей, чем сильнее «вызов», который природа бросает человеческому сообществу, тем наболевший высокий уровень развития оно поднимается. Но поскольку некоторые факты противоречили этой гипотезе, А. Тойнби пришлось внести поправку на «чрезмерно суровые условия», которые «останавливают развитие». В соответствии с этой поправкой холодный климат стимулировал развитие одних цивилизаций,

но чрезмерный холод останавливал развитие эскимосов. Эта поправка позволяла объяснить, почему китайская цивилизация стала развиваться в долине реки Хуанхэ, где, по мнению А. Тойнби, условия трудные, а не в долине реки Янцзы, где, по его оценке, зли условия еще более трудные.

Очевидно, что критерии Тойнби, по которым можно обнаружить на планете «средне гадкие» места, туманны и с их помощью невозможно объяснить, почему первые цивилизации возникли на Ближнем Востоке, в долинах Инда и Хуанхэ, а, скажем, не на Шпицбергене или в австралийской пустыне Гибсона.

Во-вторых, поскольку Тойнби исходил из того, что места рождений-цивилизаций были исключительно плохими, то он был вынужден отрицать все свидетельства о тех или иных благоприятных сторонах природы, окружавшей первые очаги оседлой жизни. По законам логики невозможно, чтобы одни и те же места были либо исключительно хорошими, либо абсолютно плохими. Взаимоисключающие теоретические установки Тойнби и общепринятые представления о необходимости благоприятных условий для создания первых цивилизаций наносят жестокие удары друг по другу. Поскольку в пользу каждой из противоположных версий есть свидетельства, то очевидно, что каждая из сторон игнорирует те факты, которые противоречат ее предвзятой оценке.

Можно предположить, что в некоторых случаях в одних и тех же местах, где возникли первые земные цивилизации,

были как перечисленные выше благоприятные условия (теплый климат, наличие плодородных речных долин), так и крайне неблагоприятные (болота, голые скалы, джунгли). С одной стороны, любое сложное явление жизни (а цивилизация является именно таковым) может быть следствием самых противоречивых причин и носителем самых противоположных качеств. С другой стороны, вполне возможно, что все перечисленные выше условия (почвы, температура воздуха, его влажность и т. д.), будь они благоприятными или вредоносными, не имели решающего значения для рождения цивилизаций.

Так какое же неизвестное условие было решающим для возникновения цивилизаций?

Глава 2

Таинственные пояса цивилизаций

Поиск причин, которые повлияли на создание первых цивилизаций, завел нас в тупик. Кажется, что цивилизации могли складываться под влиянием самых разных причин, а стало быть, они могли возникнуть где угодно. Однако достаточно взглянуть на карты расположения очагов цивилизаций, которые родились на разных континентах, чтобы убедиться в том, что самые первые цивилизации на Земле были расположены в определенной последовательности относительно друг друга.

На схематической карте основных неолитических культур V–II тысячелетия до н. э. видно, что от верховьев Нила до Инда и верховьев его притоков через северо-восточную Африку, земли Палестины, Ливана, Сирии, Турции, Ирака тянется непрерывный пояс земледельческих культур. Далее на восток на территории Ирана и Средней Азии этот пояс обозначен пунктиром, а точками служат отдельные очаги оседлых культур. На землях Пакистана и северной Индии этот пояс становится заметнее, и он прерывается на территории Тибета, пока не достигает верховьев Хуанхэ. Далее он проходит вдоль течения этой реки до Северной Кореи. Здесь, как замечал Л. Спрейг де Кэмп, автор труда по истории технической мысли с древнейших времен, «за тысячу лет до Христа

на Широком поясе, протянувшемся от Средиземного моря через Средний Восток, Индию и Юго-Восточную Азию до Китая, был достигнут высокий уровень цивилизации».

Другой «пояс» цивилизации позже сложился на американском континенте. В отличие от евразийского Цивилизованного пояса цепь очагов оседлых культур Америки протянулась не в широтном, а в меридиональном направлении, с севера на юг.

Еще позднее сложились очаги цивилизации в тропической Африке. Один почти непрерывный пояс цивилизованных государств шел в широтном направлении от верховьев Нигера и Сенегала до Великих африканских озер. Несколько очагов цивилизации протянулись в меридиональном направлении от Вааля до верховьев Конго.

Почему очага цивилизации вытягивались цепочками один за другим? Что общего было в природе тех мест, в которых складывались первые оседлые культуры?

Поскольку главным фактором, влиявшим на создание очагов оседлости, было земледелие, посмотрим, не располагались ли первые оседлые государства в полосах, где существовали наиболее удобные (или наименее удобные) условия для земледелия. Рассмотрим очаги цивилизаций, начав с африканского континента, где в долине Нила возникла самая древняя развитая оседлая культура. Для их описания воспользуемся тяжеловесным сочинением (как по его физическим свойствам, так и по его литературной форме)

—»Всемирной историей» (в дальнейшем – «ВИ»), которая стала выпускаться в нашей стране с середины 1950-х годов. В этом многотомном труде было весьма основательно разобрано развитие «производительных сил» и «производственных отношений». По данным этих и других исследований, переход к земледелию и скотоводству в долине Нила происходил одновременно на всем протяжении реки от низовьев почти до верховьев.

В верхней части Нила в глубокой древности образовалась эфиопская, или нубийская, культура. Остальную часть Нила освоили древние египтяне. Как замечено в «ВИ», Эфиопия представляла собой страну «крайне бедную землей, пригодной для земледелия, скотоводства и садоводства». Между тем, как отмечается там же, уже в V–IV тысячелетиях до н. э. «нубийские эфиопы занимались скотоводством и земледелием; вначале уровень развития их общества был сходен с египетским, и лишь позднее Египет начал быстро опережать Эфиопию».

В отличие от Эфиопии природные условия в египетской части долины Нила, как отмечали советские историки, «благоприятствовали развитию земледелия». В то же время эти историки, как и Арнольд Тойнби, подчеркивали решающую роль в этом трудовых усилий египтян. В «ВИ» говорилось: «Только человеческий труд мог распределить равномерно и своевременно избыточную влагу по поверхности земли и устранить как безводье, так и заболоченность почвы. В ре-

зультате труда многих поколений страна была покрыта сетью перекрещивавшихся насыпей; которые отгораживали земельные участки. Сквозь высокие наносные берега от реки к этим участкам были прорыты протоки. Во время половодья участки затоплялись. После того как вода пропитывала почву, отстаивалась и отлагала ил, ее спускали обратно в реку».

Что следует из этих сведений? Во-первых, ясно, что природные условия на протяжении долины Нила не были одинаковыми, а сильно различались. При этом условия в Египте были лучше, чем в Эфиопии. Однако эти различия не мешали народам, населявшим эти страны, одновременно стартовать в освоении земель долины Нила. Во-вторых, становится понятным, что и в Египте природные условия были далеко не идеальными. Как и эфиопам, египтянам пришлось немало потрудиться для превращения долины Нила в житницу, обеспечивавшую миллионы людей питанием в течение по меньшей мере восьми тысячелетий. Стало быть, природные условия на всем протяжении долины Нила никак нельзя было назвать ни одинаково хорошими (что требуется в соответствии с традиционными представлениями о рождении первых цивилизаций), ни в одинаковой степени плохими (на чем настаивал А. Тойнби).

Тогда почему же Нил стал колыбелью самой древней цивилизации на планете? В чем Нил оказался удобнее (или неудобнее) для развития сельского хозяйства по сравнению с

другими крупными реками Африки, такими как Нигер, Замбези, Оранжевая, Окаванго, Лимпопо, Вольта, Сенегал, Шари, Руфиджи, Рузума? Вряд ли превосходство Нила по сравнению с этими и другими африканскими реками могло сыграть роль в том, что именно его долина была освоена значительно раньше других?

Из истории известно, что помимо Нила лишь Нигер, Замбези, Лимпопо и верховья некоторых притоков Конго стали местами рождения оседлых государств доколониальной Африки. Однако, по данным современной науки, освоение этих рек произошло по крайней мере через 5–6 тысячелетий после создания эфиопской и египетской цивилизаций.

Причины, почему вся территория Африки отстала в своем развитии от долины Нила, так же неясны, как и то обстоятельство, почему в полосе, протянувшейся через западный Судан от верховьев Сенегала до озера Чад, а также между Замбези и Лимпопо и в верховьях притоков Конго, развитие началось раньше и шло быстрее, чем на других землях Африки.

Известно, что от верховьев Сенегала и Нигера и далее по течению реки Нигер и к северу от этой реки в IV–VII веках сложились государства Гана, Мали и другие, последовательно сменявшие друг друга. На берегах Нигера были построены города Тимбукту, Гао, Дженне и другие, ставшие крупными центрами оригинальной цивилизации западного Судана.

В то же время области, расположенные к югу от Нигера и

в его устье, задержались в развитии. Позже, чем у их северных соседей, возникли государства на территории Верхней Гвинеи: государства моси и йорбуа были созданы здесь примерно в XI веке. Если расцвет государств, расположенных вдоль Нигера, приходится на VII–X века, то подъем Бенина, находившегося в устье Нигера – на XV–XVI века. Еще более отставала в своем развитии Нижняя Гвинея и северная часть бассейна Конго, население которых вплоть до XIX–XX веков в основном жило за счет охоты и сбора диких плодов.

Опережение одних областей по уровню развития соседних наблюдалось и на юге Африки. Мапунгубве – один из первых очагов оседлой культуры, обнаруженный в Трансваале в междуречье Лимпопо-Вааль, возник в середине I тысячелетия. К северу от него в междуречье Лимпопо-Замбези в VI веке н. э. сложилась культура Зимбабве.

Нельзя сказать, что земли западного Судана, междуречий Вааль-Лимпопо и Замбези-Лимпопо были плодороднее, а климат лучше, чем в остальной Африке, которая в то время была в основном населена племенами охотников и собирателей. Достаточно сравнить пояс государств, которые сложились в начале I тысячелетия н. э. в западном Судане, с современной картой Африки, чтобы убедиться в том, что первые цивилизованные страны Тропической Африки располагались там, где ныне находятся наиболее отсталые районы наиболее бедных стран «черного континента», таких как Мали, Нигера, Чада. В то же время земли более богатых и раз-

витых стран современной Африки не стали местом рождения первых цивилизаций.

Возможности других рек Африки оставались долго неиспользованными, хотя их качества не уступали Нилу и Нигеру. Например, из сравнения Л. И. Мечниковым Нила и Конго следует, что последняя река заметно выигрывает с точки зрения ее природных условий и возможностей для развития земледелия. Русский ученый писал: «По плодородию почвы и в отношении условий жизни бассейн Конго одарен несравненно богаче, чем бассейн Нила. Об этом можно судить по цветущему виду окруженных возделанными полями факторий, которые основаны торговцами арабами и занзибарцами там и сям по верхнему Конго... Исследователи Конго... с удивлением отзываются о крайней густоте населения на правом берегу Конго, а также в стране Бангала, в бассейне реки Кассаи и других больших притоков «варварской реки».

Между тем первое оседлое государство Бушонго (Бакуба) сложилось в верховьях притоков Конго (Касаи и Санкуру), а не на самой реке. По каким-то причинам долина Конго не стала столь притягательной для населения Африки, подобно долине Нила или среднего течения Нигера.

Что могло помешать первобытным людям развивать земледелие в долине реки Оранжевая одновременно с его появлением на берегах Нила или хотя бы одновременно с созданием государств Гана, Мали и Зимбабве? Ведь впоследствии переселенцы из Голландии и других стран создали здесь вы-

сокопродуктивное сельское хозяйство. Что воспрепятствовало древним людям распахивать поля на Восточно-Африканском нагорье? Известно, что в последующем английские переселенцы организовали здесь высокопродуктивные сельскохозяйственные фермы. Сравнение почвенных, климатических и других условий долины Нила со многими другими местами в Африке не позволяет объяснить, почему развитие цивилизации в древности надолго остановилось севернее Восточно-Африканского нагорья и нильская долина в течение нескольких тысячелетий оставалась единственным очагом оседлой культуры.

Но, возможно, обстоятельства рождения других первых цивилизаций существенно отличались от тех, которые сопутствовали развитию Древнего Египта и Древней Эфиопии. Рассмотрим другой мощный очаг цивилизации, возникший на землях между Тигром и Евфратом, именующихся Междуречьем, или Месопотамией. Характеризуя географическую среду низовьев Тигра и Евфрата, авторы «ВИ» писали, что «условия для земледелия были неблагоприятными, пока не было создано искусственное орошение». Для того, чтобы воспользоваться преимуществами почвы, древним шумерам, населявшим юг Междуречья, пришлось приступить «к осушению болотистой почвы и к использованию вод Евфрата, а затем и Нижнего Тигра, создавая основу ирригационного земледелия».

Еще хуже были условия на севере Междуречья. Как от-

мечалось в «ВИ», по сравнению с югом Междуречья «условия... для организации искусственного орошения в крупных масштабах и прогресса земледелия... в северной Месопотамии – холмистой степи, переходящей в горные районы... были менее благоприятны». Уточняя эту характеристику в отношении места рождения Ашшура, или Ассирии (земли между средним течением Тигра и двумя его восточными притоками – Большим и Малым Забом), историки замечали, что «по плодородию эта часть нынешнего Ирака значительно уступает низовьям Тигра и Евфрата». Поэтому земледелие здесь развивалось «с использованием дождевых вод, собираемых в Специальные водоемы и применяемых для искусственного орошения».

Выводы, которые можно сделать из этих фактов, отчасти схожи с теми, что следовали по поводу развития цивилизаций в долине Нила. Здесь также природные условия на всем протяжении на севере и юге Месопотамии не были ни одинаково хорошими, ни одинаково плохими. И тем не менее как на юге, так и на севере Междуречья возникли одни из самых древних цивилизаций мира.

Правда, развитие низовий и верховий Евфрата и Тигра шло не так, как в различных частях долины Нила. На первых порах север (верховья) опережал юг (низовья). Как подчеркивалось в «ВИ», «в период неолита культура той области, которая позже стала называться Ассирией... стояла значительно выше культуры стран, расположенных в низовьях

Тигра и Евфрата». Затем, на юге, в низовьях рек, раньше возникло земледелие, и этот регион обогнал верховья по уровню развития. Однако в последующем страна, возникшая в верховьях (Ашшур, или Ассирия) опередила страну, находившуюся в низовьях (Шумер). Если признать, что главным было наличие благоприятных условий, то этим можно объяснить временный успех юга, но никак нельзя объяснить последующий прорыв вперед севера. Если же считать, что развитие цивилизаций наиболее стимулируют трудные природные условия, то этим можно объяснить финальный успех севера, но не рывок юга. Ни с той, ни с другой точки зрения нельзя объяснить произошедшие смены лидерства в Месопотамии.

Некоторое сходство природных условий Месопотамии и долины Нила и исключительное внимание к истории Древнего Египта и древних царств Междуречья за счет их соседей создают обманчивое впечатление, что наличие больших рек, а также болотистых, но плодородных речных низовий являлось важнейшим условием создания первых цивилизаций. Между тем фактически Эфиопия, Египет и страны Междуречья, развившиеся в долинах крупных рек, были скорее исключением, а не правилом в истории становления первых очагов цивилизации. Как подчеркивалось в «ВИ», хозяйство подавляющего большинства первых цивилизаций «было основано на оросительном земледелии. Но при этом ирригация в отличие от Египта и Междуречья обычно базировалась на

использовании мелких рек, горных ручьев, а также дождевых вод, собираемых в водоемы».

Этот вывод подтверждает пример Элама, расположенного к востоку от Месопотамии. Земля этого государства представляла собой не лучшую местность для ведения сельского хозяйства; там были в основном горы и лишь небольшие плодородные долины по течению Каруна и Керхе.

Схожие неблагоприятные природные условия для развития земледелия были характерны и для крупного и влиятельного государства Митанни, сложившегося вблизи от Ассирии на землях между средним течением Евфрата и его притоками.

Условия для развития земледелия на территории нынешней центральной Турции отличались от тех, что существовали на землях Митанни, но и они не были благоприятными. Это не помешало созданию здесь державы Хеттов, являвшейся наряду с Египтом и странами Междуречья одной из трех крупнейших цивилизованных государств древнего мира: Говоря словами авторов «ВИ», «эта страна представляет собой плато, окруженное горами, отделяющими его от Черного и Средиземного морей. Вследствие этого*, несмотря на близость морей, климат здесь континентальный, атмосферных осадков выпадает немного. Для земледелия здесь по большей части необходимо искусственное орошение; но реки здесь несут мало воды и в связи с узостью речных долин для искусственного орошения использовать их трудно».

Позже (в конце II – начале I тысячелетия до н. э.) к востоку от земель хеттов на Армянском нагорье возникает государство Урарту. В отношении природных условий этого государства авторы «ВИ» также не смогли сказать что-нибудь хорошее: «Сравнительно с другими районами древних цивилизаций» территория Урарту «представляла значительно меньше удобств для земледелия, которое возможно здесь (в долинах и низменностях) главным образом на основе использования вод горных ручьев». Однако и здесь было создано развитое земледельческое хозяйство.

Не лучшие условия для развития сельского хозяйства существовали и в странах, расположенных между державой Хеттов, Ассирией и Египтом и служивших полем сражений этих крупных держав, Древнего Востока. Между тем уже в III тысячелетии до н. э. здесь на узкой приморской полосе вдоль северной части восточного побережья Средиземного моря стали складываться поселения финикийцев. По поводу Финикии в «ВИ» сказано: «Возможности для пашенного земледелия ввиду недостатка удобных земель были ограничены». И все же финикийцы стали разводить здесь оливковые деревья, финиковые пальмы, виноград.

Но, возможно, такие неудобства были лишь в регионах Западной Азии и Северо-Восточной Африки? Однако в Индии и Китае, расположенных в средней и восточной части афро-азиатского цивилизованного пояса, очаги оседлой культуры складывались не в самых лучших местах. Первые

поселения цивилизации бассейна Инда, как отмечается в «ВИ», «были расположены у горных речек и ручейков при их выходе на равнину; здесь воды, видимо, перехватывались плотинами и направлялись на поля». Хотя в нижнем и среднем течении Хуанхэ, освоенном еще в древности, преобладала плодородная наносная почва из речного ила, первые земледельцы северного Китая обрабатывали главным образом земли лессового плато, что требовало искусственного орошения. И здесь переход к земледелию осуществлялся сначала не в самых удобных местах для этого занятия.

Аналогичное впечатление складывается, если взглянуть на карту, на которой показано расположение первых государств доколумбовой Америки. Пояс доколумбовых оседлых культур Америки начинался с севера с поселений индейцев пуэбло, расположенных на землях нынешних юго-западных штатов США (Нью-Мексико, Аризона, Юта, Колорадо), на территории, где теперь развитие сельского хозяйства возможно лишь с помощью дорогостоящих ирригационных систем. Поразительно, но, не имея современной техники, племена пуэбло уже в VII веке создали в этих трудных условиях систему искусственного орошения и выращивали кукурузу, бобы, тыкву и хлопок. Не менее поразительно и то, что в те времена их соседи в ныне процветающей Калифорнии находились на самом низком уровне развития, а для пропитания довольствовались желудями.

Искусственное орошение стало необходимым и для зем-

леделия первых оседлых культур в центральной Мексике. В прибрежной полосе нынешних северо-западных департаментов Перу и центрального Эквадора индейцы мочика уже в VIII–IX веках строили водооросительные каналы, тянувшиеся на сотни километров, и канавы, подававшие воду к полям.

Высокоразвитое земледелие инков (они культивировали около 40 видов полезных растений) сложилось в исключительно неблагоприятных условиях Анд. Как отмечается в 4-м томе «ВИ», «долины, пересекающие Анды, представляют собой узкие глубокие ущелья с крутыми склонами, по которым в дождливый сезон стекают потоки воды, смывая почвенный слой; в сухое время на них не остается влаги». Поэтому земледелие здесь стало возможным лишь благодаря строительству оросительных каналов и превращению склонов гор в поля на искусственно созданных террасах. Чтобы предотвратить оползни, террасы укреплялись каменной кладкой, а для предотвращения утечки воды из оросительных каналов их дно выкладывалось каменными плитами.

Удивительным образом пояс доколумбовых цивилизаций проходил мимо современных сельскохозяйственных житниц Америки, где производство зерна и других продуктов никогда не требовало столь напряженных усилий, которые были вынуждены прилагать индейцы пуэбло и мочика, ацтеки, майя, тольтеки, ольмеки и инки.

Создается впечатление, что первые цивилизованные стра-

ны создавались по большей части там, где было особенно трудно вести земледелие. Может быть, все же прав Арнольд Тойнби и народы мира, как правило, выбирали места для занятий там, где было особенно трудно их выполнять? Однако известно, что земли, малопригодные для занятия земледелием, не ограничены сравнительно узкими полосами. Нетрудно убедиться в том, что за пределами этих окультуренных полос оставались бескрайние просторы земель разных качеств: столь же неудобные, еще более непригодные и гораздо более удобные.

Из этого обзора можно сделать парадоксальный вывод: удобство или неудобство этих территорий для земледелия не играло главной роли для использования их в качестве пахотных. Создается впечатление, что люди все равно были готовы осесть на этих землях и распахивать их вне зависимости оттого, каких трудов это им будет стоить. Возможно, они были рады, когда им удавалось собирать по 2–3 урожая в год без особого труда, но в любом случае они бы осели именно здесь.

А не прав ли был Гумилёв, когда он утверждал, что первые очаги человеческой культуры возникали под воздействием некоего облучения из космоса? Не были ли основатели первых оседлых цивилизаций загипнотизированы из космоса, получив приказ создавать оседлые культуры? Какая таинственная сила притягивала народы к землям, вытянувшимся в виде полос по трем континентам планеты?

Глава 3

Пленка жизни против смерти

А может быть, для того чтобы обнаружить тайну рождения цивилизаций, следует отказаться от «лобовой атаки»? Сколько ни разглядывай места расположения первых цивилизаций, которые то сплошными, то пунктирными линиями протянулись через континенты, они сами по себе ничего не скажут, если у нас нет пособия для истолкования этих линий. Но, к сожалению, никто не составил пособия для прочтения линий на континентальных ладонях Земли.

Цивилизованные пояса, перечеркнутые линиями массы земной суши, как человеческие ладони, останутся загадочными, пока мы будем пытаться установить прямую зависимость судьбы народов от одного или нескольких условий окружающей среды. Ограниченность выбора почти неизбежно делает случайным вывод относительно «решающей причины». В этом случае исследователь обречен повторить ошибки слепцов из древней индийской притчи, которые, ощупывая различные части слона, не могли догадаться, что находится перед ними.

Нечто похожее может произойти и в том случае, когда различные исследователи пытаются выяснить, что является главной причиной того, что древние люди создали очаг цивилизации в определенном месте, но при этом обраща-

ют внимание лишь на одну или несколько сторон их жизни. Очевидно, что теплый климат, реки, почвы, а также необходимость преодолевать трудные природные условия сыграли определенную роль в становлении цивилизаций, однако известно, что природные или общественные явления редко бывают вызваны непосредственным воздействием одного или даже нескольких факторов. Как правило, события, происходящие в природе и обществе, обусловлены следствием сложной цепочки явлений и обстоятельств, нередко отдаленных друг от друга во времени и пространстве. Отклонения в генетическом коде животного могут отозваться эхом у его дальних потомков. Последствия исторических событий могут проявляться через несколько поколений.

Однако, пытаясь отгадать причину появления на Земле первых цивилизаций, ученые зачастую не искали эти запутанные цепочки и предпочитали объяснить рождение оседлых культур, исходя из признаков, видимых на поверхности. Легко представить, к каким ошибкам могут привести подобные методы рассуждений, если задуматься, как будут оценивать нашу жизнь сторонние наблюдатели.

Представим себе, что некие разумные существа; не знакомые с нашей жизнью (допустим, пришельцы из космоса, гости из прошлого или будущего, или иные персонажи из научно-фантастических произведений), появились в летний выходной день в жилом микрорайоне современного российского города, расположенного на берегу водоема, и попыта-

лись объяснить, почему здесь живут люди.

Один из пришельцев, обратив внимание на людей, сидящих на траве и загорающих на солнышке, мог бы заявить, что население, очевидно, привлекла в эти края возможность потреблять солнечную энергию кожным покровом непосредственно из космоса, что, вероятно, является главным условием для возникновения очага человеческой цивилизации. Другой, заметив купающихся, может дополнить это соображение и сказать, что другим важным условием существования людей является наличие возле них стоячей пресной воды, в которую они должны время от времени догружаться.

Третий мог бы опровергнуть доводы предыдущих наблюдателей, справедливо указав на некоторые неблагоприятные условия жизни в этом жилом квартале. Среди недостатков жизни в микрорайоне он мог бы упомянуть чрезмерную скученность жилых, помещений, обращенность окон некоторых квартир на теневую сторону, неудобство высоких этажей для подъема и дискомфорт жизни в нижних этажах вблизи от шумного двора. Если же он знал особенности местного климата, то он мог бы добавить, что зимой в микрорайоне большую часть времени темно, холодно и дорожки покрыты льдом. Он стал бы доказывать, что все эти трудные условия бросили вызов людям и они приняли его, создав жилой квартал наперекор суровой природе.

Наконец, другие пришельцы, понаблюдав за жителями этого квартала, могли бы обратить внимание на то, что никто

из них не занят строительством, а та техника, которая порой используется ими в быту, никогда не позволила бы им построить большой дом. Они могли бы сделать верный вывод о том, что дом построен не ими. Небрежное же обращение жителей со своим жильем и территорией квартала лишь убедило бы пришельцев в том, что они – варвары, случайно овладевшие цивилизованным жильем после гибели их строителей и поверхностно приобщившиеся к богатствам развитой культуры. При этом один из пришельцев мог бы разработать гипотезу о том, что былая цивилизация погибла в результате внезапного наводнения и ее памятники, возможно, покоятся на дне близлежащего водоема. Другой же, обратив внимание на каракули, рисунки и надписи, сделанные детьми и подростками мелом на тротуаре, мог бы прийти к выводу, что поскольку их лучше всего видно с высоты, то это – древние знаки для летательных аппаратов, а подлинными строителями домов некогда прибыли из космоса. Возможно, что глыбы металла, груды бетона и незакопанные ямы, которые порой годами остаются на месте былой стройки, лишь укрепили бы мнение автора космической гипотезы в том, что здесь побывали инопланетяне, следы деятельности которых не поддаются разумному объяснению.

Итак, очевидно, что, хотя пришельцы даже на основе самых поверхностных наблюдений могли бы сделать несколько верных выводов (жители не строили сами дома, их привлекает близость к природе, строителям пришлось преодолеть

вать немалые трудности при сооружении домов и т. д.), в целом их заключения оказались ошибочными из-за незнания некоторых особенностей нашей жизни, не укладывающихся в простые логические объяснения.

Что же помешает сторонним наблюдателям, впервые увидевшим жилой микрорайон в российском городе областного масштаба, сделать верные выводы? Что они скором всего упустят из виду? Во-первых, они вряд ли поймут, почему жизнь вдали от центра города привлекательна, если не сумеют разобраться в проблемах загазованности и шума на центральных улицах города, отсутствия там зелени и прочих условий для здоровой жизни. Во-вторых, они скорее всего не сразу заметят то, что подавляющее большинство обитателей жилых домов оторвано от мест своих постоянных занятий, которые обеспечивают их всеми жизненными благами. Они вряд ли сразу догадаются, что занятия людей в жилых кварталах принципиальным образом отличаются от тех, которым они отдают время и силы в других частях города. В-третьих, маловероятно, что они быстро сориентируются в проблемах стоимости земли, строительства, сооружения коммуникаций и прочего и поймут, почему многоэтажные дома обходятся дешевле, чем малоэтажные.

Для того, чтобы распутать сложные цепочки явлений и событий, породивших современную городскую жизнь России, надо, по крайней мере приблизительно, знать мировую историю развития цивилизации, особенно историю строитель-

ства и архитектуры, а также географию и историю России.

Можно допустить, что еще более серьезные упущения характерны и для ряда гипотез о происхождении первых цивилизаций. Когда мы пытаемся истолковать черты далекого прошлого по немногим следам, оставшимся в нашем распоряжении, то оказываемся едва ли не в худшем положении по сравнению с воображаемыми пришельцами, которые могли бы прибыть в современный город. Действительно, в отличие от подобных пришельцев мы имеем дело не с реальными людьми, живущими в благоустроенных домах, а в лучшем случае с их скелетами и изображениями, с развалинами их построек и жалкими обломками их орудий труда и быта. Не имея машины времени, мы лишены возможности проверить те или иные предположения относительно далекого прошлого, и нам приходится полагаться лишь на логику в рассуждениях относительно давних событий.

Во-первых, обращая внимание на природные условия, окружавшие «жилые кварталы», в которых переселились создатели первых цивилизаций, авторы гипотез зачастую не очень убедительно объясняют, почему прежняя среда обитания перестала их удовлетворять. Как известно, до создания первых оседлых поселений люди кочевали, перемещались по всей планете, или, по крайней мере, по обширным пространствам в пределах большого региона. Может быть, остальная часть планеты была загазованной, или людям стал невыносим птичий гам, или стада мамонтов, бизонов и зубров, пе-

редвигавшихся на больших скоростях, стали угрожать безопасности пешеходов? Чем по сравнению с остальной планетой оказались выгоднее те места, где складывались очаги первых цивилизаций? Если же, напротив, люки стали искать себе трудности, то разве в лесных дебрях и среди степей, населенных хищными зверями, их было меньше, чем в болотистых низменностях или на горных плато?

Во-вторых, гипотезы, основанные на решающей роли климата, не очень ясно объясняли, почему создатели первых цивилизаций изменили свой образ жизни и оставили свои прежние занятия. Как известно, до возникновения первых постоянных поселений люди занимались охотой и собирательством, что вполне удовлетворяло их в течение сотен тысяч лет. Почему же они вдруг оставили эти промыслы и переехали на новое место жительства, где стали заниматься земледелием и скотоводством? Кто обучил их этим занятиям, создал новые рабочие места, обеспечил им вознаграждение за труд и прочие социальные блага? А если такие центры трудоустройства и профподготовки были созданы пришельцами из космоса или из цивилизаций, погребенных под толщами вод или льдов, то почему эти творцы цивилизаций исчезли бесследно, не оставив потомкам никакого внятного сообщения о своей бескорыстной и благородной деятельности?

В-третьих, многие гипотезы не объясняют, почему люди, которые прежде жили довольно рассредоточено по всей поверхности Земли, вдруг решили жить почти так же скучен-

но в оседлых поселениях, как обитатели современных многоэтажных и многоквартирных домов. Может быть, возросла плата за разбивку палаток, вигвамов, чумов и юрт в лесах и полях?

Как и для правильного понимания современной городской жизни, для того чтобы установить, почему первые цивилизации возникли именно там, где они возникли, надо хотя бы приблизительно разобраться в историческом и географическом контексте исследуемого явления. Однако, так как масштаб наблюдений за жизнью отдельного микрорайона отличается от масштаба исследования первых цивилизаций, придется принять во внимание, с одной стороны, основные направления развития мировой истории, а с другой стороны, учесть основные свойства земной поверхности, на которой в течение миллионов лет обитал человек.

Обращая внимание на необходимость всестороннего рассмотрения связей между человечеством и природой, основоположник геохимии, биогеохимии и радиогеологии Владимир Иванович Вернадский писал: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочки, где может только существовать жизнь... В действительности ни один живой организм, в свободном состоянии на Земле не находится». Биосфера объединяет все формы земной жизни не только их общим происхождением, но и взаимозависимостью друг от друга.

Экологические цепочки, соединяющие различные элементы биосферы, свидетельствуют о наличии своеобразного общего поля взаимного притяжения в «области жизни». Единство биосферы обусловило ее способность к эволюционному развитию.

Кроме того, Вернадский обнаруживал невидимые, но эффективные силы взаимного притяжения, связывающие неживую природу и живую, биосферу и судьбы человечества. «Человечество, – писал Вернадский, – как живое существо, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли, с ее биосферой».

Эта «неразрывные связи» проявляются не только во вторжениях отдельных природных факторов в развитие человечества, но и в постоянном воздействии живой природы на судьбы народов мира. Во-первых, различные факторы, оказывающие воздействие на живые организмы, такие как температура, влажность и наэлектризованность воздуха, наличие воды, ее химический состав и прочее, могут влиять непосредственно на человеческий организм, а следовательно, и на ход человеческой истории. Во-вторых, как и всякие живые существа, люди могут удовлетворять свои физиологические потребности прежде всего за счет биосферы. Поэтому такие факторы, как солнечная радиация и ее циклические изменения, характер почвы и другие, от которых зависит развитие растений и животных, косвенным, но эффек-

тивным образом воздействуют на жизнь людей. В-третьих, принадлежность человека к животному царству делает его подвластным многим из тех законов эволюции, по которым развивается живая природа.

Законы эволюции не похожи на механистические законы неживой природы главным образом потому, что, в отличие от косной материи, жизнь не пассивно реагирует на внешнее воздействие окружающей среды. Данные о солнечном излучении и радиации подземных пород, температурном режиме, химическом составе окружающей среды и т. д. служат для живого организма условиями уравнений, которые он должен решать, чтобы выжить. Жизнь должна постоянно находить формы и величины биологического порядка, способные дать ответ на условия, поставленные неживой природой. При подготовке ответов биологические организмы создают совершенно новые комбинации из имеющихся в их распоряжении возможностей, но непременно отказываясь от некоторых своих прежних качеств. Таким образом, устанавливается равновесие между внешним миром и возможностями живого организма.

Однако такое равновесие может быть лишь временным, так как по своей сути жизни чуждо неподвижное состояние, она находится в постоянном движении, активно развиваясь. Эволюция биосферы преобразует и мир неживой природы. Обратив внимание на эту сторону биосферы, Вернадский увидел в живой природе Земли активный фактор кос-

мического значения. Русский ученый расценивал жизнь, как проявление способности материи противостоять тенденции к достижению мировой энтропии, то есть тепловой смерти Вселенной. Чтобы оценить значение этой мысли Вернадского, требуется небольшой экскурс в физическую теорию.

Понятие «энтропия» (древнегреч. – переход, превращение) используется физиками для обозначения функции состояния термодинамической системы. Достижение теплового равновесия означает максимум энтропии. Энтропия ведет к рассеиванию энергии в просторах космоса, или к «тепловой смерти» Вселенной, о чем впервые объявил в XIX веке английский физик Уильям Томсон в статье «О проявляющейся в природе общей тенденции к рассеянию механической энергии».

Эта идея оспаривалась другими учеными, в частности, австрийским физиком Л. Больцманом. В докладе на заседании Венской академии наук в 1886 году Л. Больцман использовал понятие «флюктуация» (колебание; отклонение от нормы) для того, чтобы обосновать свою теорию, в которой он доказал наличие космических процессов, противостоящих тепловой смерти Вселенной. В то время как Вселенная движется к тепловому равновесию, в отдельных ее областях, хотя бы небольших, могут создаваться флюктуации, восстанавливающие неравномерность температуры во Вселенной. После образования такой флюктуации статистические законы ведут к выравниванию температуры, но флюктуации возни-

кают вновь. Эти флуктуации противостоят движению Вселенной к тепловой смерти.

В качестве примера такой флуктуации Больцман привел земную жизнь и ее роль в энергетическом обмене между Солнцем и Землей, в ходе которого в течение миллиардов лет совершается выравнивание температуры до достижения равновесия. В то же время, как отмечал Л. Больцман, «мы легко можем использовать переход теплоты от Солнца к Земле для совершения работы, как переход теплоты воды от парового котла к холодильнику. Поэтому всеобщая борьба за существование живых существ... это борьба за энтропию, которую можно использовать при переходе энергии с горячего Солнца к холодной Земле. Для того, чтобы возможно более использовать этот переход, растения распускают неизмеримую поверхность своих листьев и заставляют солнечную энергию, прежде чем она опустится до уровня температуры земной поверхности, выполнить химический синтез... Продукты этой химической кухни являются предметом борьбы в мире животных». Необратимая эволюция жизни на Земле являлась флуктуацией, нарушавшей движение к уравниванию температурного баланса. Эта идея Больцмана позволяла увидеть в деятельности растений самостоятельный процесс, противостоящий энтропии в Солнечной системе.

Изучая энергетические процессы, происходящие в биосфере, Вернадский впервые поставил вопрос о биогенной миграции атомов, то есть об их передвижении, вызванном

деятельностью не только растений, но и животных. «Живые организмы», по мысли Вернадского, «своим дыханием, своим питанием, своею смертью и своим разложением, постоянным использованием своего вещества, а главное, сменой поколения, своим рождением и размножением порождают... великий планетный процесс, миграцию химических элементов в биосфере, движение земных атомов, непрерывно длящееся больше двух миллиардов лет». «Биосфера планеты Земля, – указывал Вернадский, – побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов, стремящихся к расширению».

Другую теорию о роли жизни в борьбе против Вселенской гибели изложил доктор биологических наук А. Г. Маленков в работе, написанной совместно с его отцом Г. М. Маленковым, известным государственным деятелем СССР. Если Больцман и Вернадский видели в биосфере средство противодействия рассеиванию энергии во вселенском космосе, то отец и сын Маленковы обратились к другой стороне космического процесса, связанной с гравитационным сжатием материи. В небольшой работе «О всеобщности принципа: жизнь противостоит гравитации» Г.М. и А. Г. Маленковы утверждали, что «живые организмы, растения и животные постоянно и повсеместно преодолевают в ходе своей жизнедеятельности гравитационное поле... Жизнь противостоит гравитации уже в своих элементарных проявлениях: рост растений, движение животных и т. д.».

Знаменитый политический лидер страны, обладавший высшим техническим образованием и изучавший труды В. И. Вернадского, и видный ученый-биолог подчеркивали, что противостояние гравитации наблюдается уже у одноклеточных организмов

И особенно усиливается после возникновения многоклеточных существ: «Появление многоклеточных организмов – чрезвычайно важный этап в истории противостояния жизни гравитации. Для макроскопических многоклеточных существ преодоление перепадов гравитационного поля требует уже значительной доли общей энергии, расходуемой на жизнедеятельность. Многоклеточные существа непрерывно и повседневно вынуждены учитывать гравитацию и противостоять ей. Именно поэтому уже на первом этапе развития многоклеточности – тканевом уровне организации – ведущей управляющей системой становится система механической интеграции клеток в ткань. Поля механических напряжений, прямо противостоящих гравитационному полю, непосредственно управляют поведением тканевых систем».

Из этих теорий следует, что задолго до выхода человека в космическое пространство земная жизнь стала играть существенную роль в решении судеб мирового космоса. Тонкая пленка живой материи на Земле, находящейся между мертвой материей космоса и земных пород, стала мощной преградой, сдерживающей распыление энергии в бесконечном космосе и в то же время противодействующей гравитацион-

ному сжатию космической материи. Биосфера, занимающая ничтожно малую часть нашей крохотной по космическим масштабам планеты, представляется небольшим отважным отрядом жизни, активно ведущим борьбу против бесконечно огромных, но косных сил, несущих гибель Вселенной.

В то же время сама жизнь, как подчеркивал Александр Чижевский, «должна считаться явлением космическим, работой космических сил». Для того, чтобы противостоять силам, разрушающим космос, жизнь должна постоянно питаться космической энергией и прообразовывать ее. Обращая внимание на эту сторону в отношениях жизни и неживой материи, Александр Чижевский писал: «Жить, говоря языком физики, – это значит пропускать через себя потоки энергии. Живое существо даже самое короткое время не может оставаться без притока энергии извне. Когда растение или животное поглощают питательные продукты или дышат, они воспринимают энергию, когда же животное движется, человек работает или мыслит, энергия выделяется из организма».

Главным же источником космической энергии на Земле является Солнце, подчеркивал А. Чижевский. Он писал: «Основной задачей жизни является задержание, сохранение и экономное расходование солнечной пищи, В этом смысле борьба за существование есть не что иное, как буквально борьба за частицу лучистой энергии Солнца... Существование тончайшей пленки, которая со всех сторон окружает земной шар, находится в прямой и последовательной зависи-

мости от энергии солнечного излучения. Куда бы ни проник солнечный луч, он встречает на своем пути ожидающую его потенциальную жизнь, чтобы дать ей движение... Подобно резцу скульптора, энергия солнечного луча творит лик и образ органической жизни на Земле». Задерживая солнечную энергию и обращаясь к Солнцу, жизнь становилась преградой на пути мировой энтропии и преодолевала земную гравитацию.

Борьба жизни, вооруженной и преобразованной солнечной энергией, против космической смерти и земного притяжения прошла через много этапов и породила многочисленные цепочки последовательных событий. Чтобы разгадать причины возникновения первых человеческих цивилизаций, нам придется пройти по этим запутанным цепочкам, соединившим события от появления первых организмов на планете и до выхода их на земную твердь.

Глава 4

Мы – жители средиземных островов и полуостровов

Когда-то, как говорится в Книге Бытия, «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездной». Эти слова в начале Ветхого завета вдохновили француза Жана Санди написать книгу «Боги, которые создали Небо и Землю», в которой утверждалось, что прибывшие из космоса разумные существа застали нашу планету именно в таком плачевном состоянии. Однако упорным трудом, который длился несколько тысячелетий, они создали на Земле условия для жизни, а затем живые существа и человека. Впоследствии, утверждал Жан Санди, рассказы создателей жизни о Земле отразились в истории о Семи Днях Творения.

По мнению же современной науки, формы жизни возникли и развились на «безвинной» и «пустой» Земле без внешней помощи и поэтому им понадобились не тысячи, а миллиарды лет, прежде чем они в борьбе против сил мировой энтропии и вселенской гравитации стали последовательно распространяться по планете, покоряя одну сферу земного обитания за другой (гидросферу, литосферу, атмосферу) и их различные слои. Как отмечали в своей работе Г.М. и А. Г. Маленковы, «особенно значительно и явно жизнь противо-

борствуется гравитации при выходе живых существ из плотной водной среды на поверхность суши. Действие гравитационного поля при этом возрастает в десятки раз».

Не исключено, что переход из водной среды на сушу осуществлялся в «пограничной зоне» между геофизическими средами. Г.М. и А. Г. Маленковы писали о «пульсирующей границе вода-суша», линия которой менялась под воздействием лунной гравитации. В связи с этим они считали, что «наличие лунных и приливных ритмов у многих организмов, обитающих на суше, отражает память о том критическом для их предков периоде, когда они выходили из «хляби морской на твердь». Так постепенно неживая природа Земли превращалась в область жизни, или биосферу.

Однако при каждом переходе из одной среды обитания в другую живые организмы сталкивались с новыми условиями, принципиальным образом отличавшимися от обжитой среды. Для покорения очередной геофизической сферы живым организмам всякий раз приходилось решать новые уравнения, в которых учитывались свойства этой среды, и преобразовывать себя соответствующим образом. Поэтому каждый переход из одной земной среды в другую соответствовал новому этапу в развитии живых организмов.

Переход из одной среды обитания в другую совершали лишь те организмы, которые могли выжить при резком ухудшении привычных условий, воспользовавшись благоприятными условиями новой среды. Такие организмы должны бы-

ли обладать повышенным запасом жизненной энергии и способностью использовать имевшиеся у них возможности в новых условиях. Победителями воздушной стихии оказывались те виды животных, которые могли оторваться от земной поверхности и, воспользовавшись воздушными потоками, одержать победу над земным тяготением. На суше выжидали существа, оказавшиеся временно вне привычной для них морской воды и сумевшие перемешаться в новой стихии.

Для того, чтобы научиться преодолевать расстояния между одним водоемом и другим, рыбам, как считают видные биологи, пришлось опираться на свои плавники при передвижении по суше. Одновременно переход живых существ из воды на сушу потребовал не только превращения плавников в конечности для передвижения по твердой поверхности, но и преобразования воздушного пузыря в легкие, изменений в системе кровообращения, в каждом покрове и т. д. Кроме того, эти изменения в отдельных частях организма нарушали сложившееся равновесие между его различными внутренними системами. Чтобы восстановить внутреннее равновесие, организму приходилось в чем-то видоизменяться. Правда, эти переделки обошлись живым существам ослаблением их способности плавать, а затем и утратой возможности постоянно находиться в водной среде.

Выход жизни из воды на сушу стал переломным этапом в распространении биосферы по планете и в эволюционном

развитой многих организмов. Однако, оказавшись на суше и приспособившись к сухопутной жизни миллионы лет назад, предки современных сухопутных животных, включая человека, не расстались окончательно с водной стихией, а продолжали зависеть от нее. Вода окружает потомков обитателей Мирового океана на земной суше со всех сторон. Под ними текут подземные воды, по небу перемещаются облака, состоящие из водного пара, и потоки воды то и дело низвергаются на землю. Наконец, большая часть тела человека состоит из воды. Сама же суша, занимающая немногим более 20 процентов земной поверхности, со всех сторон окружена Мировым океаном и его заливами, огромными пространствами возле полюсов и в горах, покрытых замерзшей водой. Даже то, что считается поверхностью суши, покрыто бесчисленными водными потоками разной величины и стоячими водными пространствами.

Не только моря, но и озера, реки, болота, огораживающие участки суши, превращают их в острова или полуострова, расположенные среди земной суши. Порой эти «средиземные» полуострова, буквально сжатые с двух сторон параллельно текущими реками, именуют двуречьями; скопления же таких полуостровов называют пятиречьями, семиречьями и т. д. Междуречья, образованные речушками, в свою очередь оказываются огражденными еще более мощными водными барьерами крупных рек, озер и морей. Вследствие этого небольшие полуострова-междуречья, образован-

ные течением мелких речек, становились частями более крупных полуостровов, полуокруженных большими реками, подобно тому, как приморский Керченский полуостров является частью Крымского полуострова.

Исходя из этого москвичей вместе с жителями Московской, Ивановской и Владимирской областей можно считать обитателями скопления «средиземных» полуостровов, огороженных Окой, Волгой и их притоками. (После сооружения канала имени Москвы и других водных сооружений многие жители этих мест уже давно стали островитянами.) Сухопутный вход на это полуострова расположен южнее города Гагарин и неширок. Поблизости от этого места находится еще более узкий вход на один из полуостровов этого скопления, окруженный Окой и ее притоками, в том числе Москвой-рекой. На этом полуострове обитают жители юго-запада Москвы. Разумеется, можно обнаружить и более мелкие полуострова, созданные речушками и излучинами больших рек. Так на суше возникают запутанные лабиринты, окруженные вместо каменных стен водными преградами.

Значительная часть этих водных стенок соединяется с водами Мирового океана, поскольку туда направляется подавляющая часть водных потоков. Эти части земной суши можно считать приокеанскими. В то же время немалая часть рек направляет свои воды во внутренние бассейны (озера, не связанные с Мировым океаном, такие как Балхаш, Чад, Большое Соленое, или внутренние моря, такие как Каспий-

ское и Аральское) или пересыхает по пути. Эти части земной суши являются внутриконтинентальными. На некоторых континентах внутренние земли занимают сравнительно небольшие площади. Даже Большой бассейн на территории США невелик по сравнению с общей площадью Северной Америки. В Африке же огромную территорию занимают внутриконтинентальные земли Сахары. Почти вся территория Австралии представляет собой «внутренний континент». Значительную часть Евразии занимают земли внутреннего континента, включающего в себя бассейны Каспия, Арала, Балхаша, внутренних озер Синьцзяна, а также степных и полупустынных просторов Центральной Азии.

На внутриконтинентальных землях существуют свои водные бассейны с водными лабиринтами. К числу наиболее сложных относятся те, которые группируются вокруг Волги, самой крупной мировой реки внутриконтинентального Каспийского бассейна, а также вокруг Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, впадающих в Аральское море. Если Мировой океан и приокеанские воды окружают сушу, то внутриконтинентальная суша окружает воды внутренних бассейнов.

Порой трудно сказать, вода ли окружает сушу или суша – роду. К тому же границы между этими средами подвижны. Водные барьеры то опускаются и становятся преодолимыми, то поднимаются и делаются неприступными. Так происходит во время Летних засух и в зимнюю стужу или во время весенних половодий или наводнений, вызванных та-

ниями ледников. С наступлением же морозов водные барьеры устраняются, а гидросфера обретает свойства литосферы. Соотношение между водой и сушей меняется и вследствие перемен в мировом климате или геологических катаклизмов. Даже огромные острова, отделенные ныне глубоководными преградами, такие как Британия, Цейлон (Шри Ланка), Зондские острова, некогда соединялись сушей с Евразией. В то же время периодическое высыхание Каспийского моря не раз превращало ее острова в полуострова.

Соотношение между водой и сушей во многом определяет характер флоры и фауны на той или иной территории Земли, а также влияет на систему взаимоотношений между различными формами жизни, растительной и животной, именуемое «биогеоценозом», или «биоценозом», что проявляется в характере животного мира в различных регионах планеты.

Хотя многие из зоогеографических областей и подобластей протянулись поясами по поверхности Земли в широтном направлении, в зависимости от количества солнечной радиации, получаемой биосферой (так в Старом Свете к югу от Арктической подобласти полосой протянулась Европейско-Сибирская лесная подобласть), некоторые зоогеографические регионы сложились в силу того, что они оказались полностью отрезанными водными барьерами и закрыли выход животным «своего» континента или острова и доступ животным извне. Именно таким образом сформировались Австралийская зоогеографическая область, Мадагаскарская

подобласть, Антильская подобласть и т. д.

Другие зоогеографические подобласти возникли в значительной степени вокруг приокеанских земель. Вход в эти земли не был полностью закрыт, но все же сильно ограничен узкими участками суши, через которые можно было попадать в «водные лабиринты». В этих покрытых густыми лесами междуречьях складывались особые животные миры. Крупными приокеанскими зоогеографическими подобластями являются Индийская, Западно-Африканская, Бразильская, Средиземноморская.

Третьи зоогеографические зоны сформировались на основе внутренних континентов, часто отделенных большими пространствами суши от Мирового океана и приокеанских земель. Обычно центральная часть внутриконтинентальных земель занята пустынями и полупустынями, и далеко не все животные могут выдержать такие условия. Зачастую жизнь во внутриконтинентальных регионах активно развивается лишь на их степных окраинах. К таким регионам прежде всего относится Центрально-Азиатская подобласть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.